

А Н О И У М Y C

СОКРОВИЩА
ХАНСКОЙ
СТАВКИ

АНОНИМУС

Сокровища ханской ставки

Серия «АНОНИМУС», книга 10

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69540301

ISBN 978-5-6049168-7-2

Аннотация

Исполняется сорок дней с того момента, как бандиты в квартире генерала Воронцова застрелили его старинного друга, полковника КГБ Александра Лукова. Воронцов приглашает на поминки старшего следователя Волина и дает ему прочитать очередную тетрадь воспоминаний Загорского.

Содержание

Пролог. Старший следователь Волин	5
Глава первая. Сердцу девы нет закона	12
Глава вторая. Природные гады Российской империи	37
Глава третья. Приключения оторванной головы	66
Конец ознакомительного фрагмента.	89

АНОНИМУС

Сокровища ханской ставки

© текст АНОНИМУС

© ИП Воробьёв В.А.

© ООО ИД «СОЮЗ»

* * *

Командир Отдельного корпуса жандармов, генерал-лейтенант Толмачев на правах старого знакомства просит Загорского помочь расследовать одно странное дело, связанное с археологическими раскопками.

Остзейский немец барон Роман фон Шторн отправился с экспедицией в Царицынский уезд, в деревню Розумихино. Во время раскопок пропадает работавший на него эстонец Магнус Саар. Позже на берегу местного лесного озера Листвянка находят обрывки его окровавленной одежды. Прибывший расследовать дело жандармский следователь Персефонов спустя некоторое время тоже пропадает бесследно. Загорский с Ганцзалином отправляются в Розумихино.

Пролог. Старший следователь Волин

Франко-итальянский вояж Ореста Витальевича Волина, когда пришлось ему гоняться за убийцей, неуловимым в первую очередь потому, что он и сам про себя не знал, что он убийца, при всей своей бодрящей экзотичности вышел старшему следователю боком.

Нет, сам-то по себе вояж был неплох... Постойте, скажет тут вдумчивый читатель, как же неплох, если нашего дорогого старшего следователя едва не убили? Да, если бы убили, это было бы неприятно, согласился бы сам Волин, – однако все-таки не убили, только руку сломали, а при нынешнем развитии мировой и российской медицины рука – дело жизненное. Это, конечно, не в том смысле говорится, что рукой больше, рукой меньше – никто и не заметит. Возможно, есть такие специальности, в которых руки не нужны и даже мешают, особенно, если растут они не из того места, однако в работе старшего следователя руки почти так же важны, как и ноги, не говоря уже о голове. У старших следователей, скажу я вам, все руки наперечет, особенно, если речь идет о столь солидном учреждении, как Следственный комитет. Так что да, руку сломали, но все же не отломали напрочь, и кость уже срослась, даже гипс сняли. Оставались еще некоторые

болезненные ощущения, но физиотерапевт обещал, что они пройдут месяца через полтора-два.

Однако, пока рука заживала, делами волинскими никто не занимался. Точнее сказать, пару его дел передали другим следователям, но у тех и своих забот хватало. Так что работа неуклонно копилась и росла, как снежный ком, из-за чего теперь приходилось трудиться в два раза интенсивнее. К счастью, полковник Щербаков входил в положение Волина и без крайней необходимости его не поторапливал. Однако сегодня, часов в одиннадцать, все же позвонил по служебному телефону и велел зайти к нему в кабинет.

Недоумевая, чего вдруг понадобилось начальству и не собирается ли все-таки Щербаков навесить на него новое дело – так сказать, приятным бонусом к остальным – старший следователь толкнул дверь полковничьего кабинета.

– Приветствую, Геннадий Романович!

– А, здорово, здорово, – настроение у Щербакова, похоже, было неплохим – и на том спасибо: видеть сейчас мечущего молнии громовержца Орест Витальевич, положительно, был не готов. – Присаживайся, в ногах правды нет.

О том, что правды нет не только в ногах, но и выше, Волин знал хорошо, но лишний раз решил об этом не упоминать, просто сел на стул рядом с начальственным столом и соорудил почтительную физиономию.

– Ты майор, человек еще молодой, – начал шеф покровительственно, – и многого в жизни не знаешь.

Не очень понимая, как отвечать на столь загадочный зачин, старший следователь только руками слегка развел: дескать, ваша правда, товарищ полковник, грешен, но с течением лет непременно исправлюсь.

– При советской власти ты, думаю, и не пожил толком, поди, и пионером не был, – продолжал полковник, всем видом своим обнаруживая необыкновенную проницательность.

Орест Витальевич сокрушенно вздохнул: действительно, не успел, но виноват в этом отнюдь не Волин, а Горбачев с Ельциным, на пару прихлопнувшие не только пионеров с октябрятами, но и всю славную советскую действительность.

– А между тем при СССР много чего было хорошего, а не только глазированные сырки по пятнадцать копеек, – вел свою линию Щербаков. – Например, была там песня, в которой пелось: молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почет.

Волин отвечал, что фразу эту из песни не очень помнит, но целиком и полностью с ней согласен – как с первой ее частью, так и со второй.

– Ну, а если согласен, так чего ж ты деда своего в черном теле держишь? – напрямик спросил полковник. – Почему он мне звонит и на тебя жалуется?

Старший следователь похолодел. Вид восставшего из гроба деда Аркадия, который, добредя до ближайшего телефона-автомата, набирает номер следственного комитета и усердно ябедничает полковнику на внука, недовольный тем,

что тот уже год не посещает могилку – так вот, вид этот на миг затмил ему не только лицо полковника, но и весь имеющийся в наличии горизонт. В следующую секунду, однако, морок рассеялся, и вместо деда явилась ему ехидная физиономия генерала Воронцова, который ухмылялся и хитро подмигивал: «Знай наших! Все равно по-моему будет!»

– Что бы там ни было, какая бы работа ни навалилась, а динамить старика нехорошо, неправильно, – укоризненно говорил между тем полковник. – В его возрасте, видишь ли, любой день может последним оказаться. Многие до таких лет и вовсе не доживают, понимаешь ты это?

Раздосадованный Волин хотел было ответить, что генерал Воронцов еще их с полковником переживет, но поглядел на благодушную физиономию начальства и решил промолчать. Вместо этого он сказал вот что.

– Я, – сказал, – товарищ полковник, ему уже объяснил, что приеду вечером, как только служебные дела худо-бедно раскидаю.

Полковник на это только головой покачал: а вот тут майор неправ. Дела не раскидывать надо, а работать над ними – это во-первых. Во-вторых, не худо-бедно, а тщательнейшим образом. И в-третьих, он его сегодня от работы освобождает и отправляет к деду – пусть старик порадуетя.

– Даю тебе на сегодняшний день отгул, – проявил Щербаков душевную щедрость.

– Спасибо, товарищ полковник, – улыбнулся Волин.

– Меня можешь не благодарить, возместишь из отпуска, – широко улыбнулся полковник. – А теперь: одна нога здесь, а другая – у деда!

* * *

В квартире у Воронцова Волин оказался двумя ногами и уже спустя каких-то сорок минут.

– Ну, Сергей Сергеевич, исполать¹ вам! – сказал он саркастически, когда генерал сам открыл ему дверь: после того, как у него в доме убили сослуживца, Воронцов, наконец, стал все-таки запирается изнутри. – Как говорится, спасибо от всего сердца!

– Что – обиделся? – спросил тот, поглядывая на Волина снизу вверх из-под кустистых бровей.

– Во всяком случае, не сильно обрадовался, – отвечал тот, проходя в квартиру. – Я же обещал вам прийти вечером, а вы зачем-то полковнику звоните, кляузничаете на меня...

– Вечером – поздно, – заметил генерал, закрывая за ним дверь, которая обросла теперь замками, как морской камень – ракушками. – Во-первых, сегодня сорок дней Сашкиной смерти, во-вторых, придется тебе кое-что почитать.

Сашка, или, точнее, Александр Анатольевич – это был полковник Луков, тот самый, которого расстреляли бандиты

---

¹ Исполать (*искаж. греч.*) – хвала, слава, благодарность.

в генеральской квартире, перепутав с самим генералом. Воронцов хотел помянуть старинного друга – и об этом Волин знал. Но что генерал приготовил ему еще и какое-то чтение, об этом разговора не было.

– Не какое-то, – пробурчал генерал. – Чтение я тебе приготовил отменное, от нашего так называемого надворного советника, он же – его превосходительство Нестор Васильевич Загорский. Так уж вышло, что чтение это напрямую связано с судьбой полковника Лукова.

– Каким же образом? – спросил старший следователь, удобно усаживаясь в кресло: он знал, что чай генерал готовит сам, и сам же приносит его гостю, следовательно, ему оставалось только расслабиться и слушать Воронцова. – Как покойный полковник оказался связан с Загорским?

Генерал ответил не сразу. Он медленно опустился в кресло напротив Волина, с минуту разглядывал его внимательно, как будто в первый раз видел. Потом нахмурился, пожевал губами, перевел глаза на потолок.

– Скажи, друг ситный, что ты знаешь о золотых конях монгольского хана Батыя? – спросил Воронцов, по-прежнему глядя в зенит, словно пытался вспомнить что-то давным-давно забытое, но очень теперь нужное.

– Ничего не знаю, – чистосердечно отвечал старший следователь. – Если хотите, могу погуглить.

– Не надо, – поморщился генерал. – Забудь про свой гугл, посмотри-ка лучше вот это...

И он положил перед Волиным пачку свежераспечатанных листов.

– Вы, Сергей Сергеевич, зря все время их распечатываете, – заметил Волин, – только бумагу тратите. Проще было бы пересылать их мне по почте.

– Надо не как проще, а как надежнее, – весомо отвечал Воронцов. – Читай.

Старший следователь пожал плечами: как скажете, хозяин – барин, взвесил пачку в руке, заметил мимоходом, что она, кажется, легче и тоньше предыдущих, и немедленно принялся за чтение.

Глава первая. Сердцу девы нет закона

Трехосный вагон-микст², наполовину рыжий, наполовину зеленый, мерно постукивал на стыках рельс, подминая под себя необозримые версты желтеющих пшеницей южнорусских степных просторов. В вагоне этом, как некогда в Ноевом ковчеге, смешалась нынче самая разная живая тварь. В роли живой твари на сей раз выступали не доисторические животные, спасаемые от мирового катаклизма доброю волей ветхозаветного патриарха, а пассажиры второго и третьего классов, которым по каким-то причинам понадобилось вдруг переместиться из прохладных параллелей русского севера в куда более теплые широты русского же юга.

Впрочем, сравнение с Ноевым ковчегом не совсем тут выходило уместным. Да, все пассажиры микста ехали в одном вагоне, однако агнцы, то есть чистая публика, по билетам отнесенная ко второму классу, сидела в передних купе на мягких диванах, обитых празднично-пестрым сукном; определенные же в третий класс козлица обоих полов уныло протирали штаны и юбки на жестких деревянных сиденьях в конце вагона.

---

² Вагон-микст – вагон, в котором совмещались места из разных классов, например, первого и второго, второго и третьего, третьего и почтового – и так далее.

Внезапно и крепко запахло водкой – кто-то из третьего класса, желая смягчить суровую действительность, откупорил бутылку и припал к ней, словно младенец к материнским сосцам. Однако, если младенец, наевшись молока, обычно откидывается и засыпает сном праведника, каковым он и является по самой своей малолетней натуре, здесь выпитая водка произвела совершенно противоположное действие. Явивший себя на общее обозрение поклонник зеленого змия лицо имел молодое, но обиженное и одутловатое, одет же был с дешевой претензией: в оранжевый пиджак, белую сорочку, синие брюки и черно-белые лаковые штиблеты. Сей сомнительный франт, оторвавшись от бутылки, выдохнул воздух и негромко, но весьма угрожающе запел низким баритоном:

*– Хоть лихие вы поля-аки,
Покоритесь же вы на-ам...
Если вы не покори-итесь,
Пропадете как трава-а:
Наша матушка Росси-ия
Всему свету голова-а-а...*

Сидевший в купе второго класса представительный седовласый господин лет, вероятно, пятидесяти, одетый в охотничий пиджак «норфолк» зеленоватого оттенка, клетчатую рубашку, широкие твидовые штаны и мягкие сапоги, с интересом прислушался к пению и заметил негромко:

– Все-таки мы недооцениваем господ беллетристов. Вот взять хотя бы Чехова. Все сходят с ума по его пьесам, ведьма, надо сказать, заурядным – во всяком случае, до Островского Чехову далеко. Однако многие ли сейчас помнят его повести? А ведь они, в сущности, все писались с натуры. Сей певучий субъект, которого мы имеем сомнительное удовольствие наблюдать, словно бы сошел во всей своей непосредственности прямо с чеховских страниц. Вот тебе, Ганцалин, случай оценить глубину проникновения писателя в душу народа.

Сидевший напротив него желтолицый джентльмен с раскосыми глазами, одетый в полосатый и тоже твидовый костюм-тройку и тяжелые ботинки-броги, заложил ногу на ногу и поморщился.

– Плохо поет, – решительно сказал желтолицый, которого его спутник звал китайским, по видимости, именем Ганцалин. – Это во-первых. Во-вторых, один пьяница – это еще не весь народ.

– А сколько же именно, по твоему мнению, требуется пьяниц, чтобы составить из них целый народ? – саркастически осведомился его визави. – Уверяю тебя, один пьяница больше влияет на жизнь общества, чем десяток добропорядочных граждан. Даже взятый отдельно, пьяница способен заварить такую кашу, которую не расхлебает целое благородное собрание. Может быть, поэтому в отечестве нашем, в остальных отношениях просто безупречном, многие хорошие дела

идут сикось-накось, если не выразиться более определенно.

– Хотите сказать, что виной всему – алкоголизм? – полюбопытствовал желтолицый.

– Нет, – отвечал его спутник. – Виной всему – установившийся порядок, когда один дурной человек определяет жизнь сотни хороших.

Тут однако, он неожиданно прервал сам себя и заметил, что, пожалуй, Ганцалин все-таки прав: не стоит делать слишком широких обобщений из одного только примера. У всех свой путь и, может быть, русский путь в том и состоит, чтобы не продвигаться вперед слишком уж быстро и решительно, а довериться естественному ходу вещей. Тем более, на сей счет уже поступило исчерпывающее руководство от тех же господ литераторов.

– Умом Россию не понять, аршином общим не измерить: у ней особенная стать – в Россию можно только верить, – продекламировал седовласый господин.

– Стихи, – подумав, резюмировал его желтолицый собеседник.

– Ты нечеловечески проницателен, мой старый друг, – усмехнулся седовласый. – Это действительно стихи, о чем легко догадаться по ямбическому метру и наличию концевых рифм.

– Вы написали? – полюбопытствовал желтолицый.

– Нет, это написал другой человек, тоже дипломат, тайный советник Федор Иванович Тютчев. Несмотря на высо-

кий чин, все сходятся на том, что поэтом был он еще лучшим, чем дипломатом.

А что, заинтересовался его визави, неужели высокий чин мешает писать стихи? У них в Китае все наоборот: лучшие стихи создавались не кем-нибудь, а императорами.

– Читал я ваших императоров, – сурово отвечал седовласый. – Если бы не были они императорами, никто бы их стихов и не помнил. Нет, мой милый, государственные дела серьезно мешают литературным упражнениям и исключение в виде господина Тютчева только подтверждает правило.

– Вы поэтому стихов не пишете? – спросил Ганцалин, при этом в голосе его китайском, кажется, прозвучало некоторое осуждение.

Спутник его отвечал, что не пишет он стихов главным образом потому, что с юности не имел способностей к поэзии, а сейчас уже и поздно начинать. Желтолицый на это заметил, что возраст тут ничего не значит, и что господину всего только шестьдесят. Это расцвет у мужчины, и как раз сейчас самое время ему заняться стихосложением.

– Расцвет, – усмехнулся тот, кого желтолицый звал господином. – А помнишь ли ты, что во времена последней китайской династии Цин людей, достигших семидесяти лет, считали необыкновенными долгожителями? Таких долгожителей приглашали на торжественный обед к императору, где их их чествовали и вручали им особые посохи долголетия.

– Вам не семьдесят лет, а шестьдесят, – уперся желтоли-

ций. — Вы совсем еще молодой, надо только волосы покрасить в черный цвет.

Спутник его удивился: с какой это стати он должен красить волосы в черный цвет? С такой, отвечал Ганцалин, что барышни не любят седину, и если хочешь им понравиться, надо ее закрашивать.

— Ах, боже мой, барышни не любят! — усмехнулся седовласый. — Скажу тебе одну вещь, о которой ты, может быть, догадывался и без меня. Обольстить барышню нетрудно, гораздо труднее сделать так, чтобы она тебя полюбила по-настоящему. Яснее всего на этот счет выразился Пушкин, который не стал, как Тютчев, тайным советником, а дослужился только до камер-юнкера.

Несколько секунд седовласый молчал, потом заговорил голосом низким и гулким, словно запел в вышине большой колокол:

*— Зачем крутится ветер в овраге,
Подъемлет лист и пыль несет,
Когда корабль в недвижной влаге
Его дыханья жадно ждет?
Зачем от гор и мимо башен
Летит орел, тяжел и страшен,
На черный пень? Спроси его.
Зачем Арапа своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?*

*Затем, что ветру, и орлу,
И сердцу девы нет закона.*

Он молчал несколько секунд, потом повторил:

– Затем, что ветру, и орлу, и сердцу девы нет закона... Какие слова, Ганцалин! Как высоко воспарил духом наш национальный гений! Да за одну эту строчку все женщины мира должны на Пушкина молиться – кто еще так ясно понял и так превознес их природу? Сердцу девы нет закона... А знаешь, почему? Потому что главный закон для сердца – это закон любви. И первыми блюстительницами этого закона являются именно женщины. Любовь к мужчине – только частный случай этого всеобщего правила. И если тебя по-настоящему любила хотя бы одна женщина, можешь считать, что ты не зря явился на свет. А крашенные волосы, друг Ганцалин, тут и вовсе не при чем...

Эту патетическую речь внезапно прервал возмущенный женский голос. Судя по тону, принадлежал он совсем молодой барышне.

– Да оставьте же меня в покое! – громко говорила она невидимому супостату. – Вы слышите? Прекратите немедленно свои домогательства, иначе я обращусь к кондуктору!

Спустя пару секунд возле их купе словно из воздуха соткалась барышня лет, вероятно, двадцати с небольшим – в белой шляпке, и белом же платье в пол. Талия ее была утянута почти до стрекозиной тонкости, кружевные манжеты на ру-

кавах оставляли на виду только кончики пальцев, грудь прикрывала кружевная пелерина. Из-под шляпки выбился темный локон, черные глаза горели огнем, красные губки входили в очаровательный союз со слегка вздернутым носиком, и в целом барышня являла собой тип классической южнорусской красоты, правда, чуть более изящной, чем обычно. Она сердито топнула ножкой, но, очевидно, на ее преследователя это не оказало никакого действия.

– П-позвольте, – отвечал ей хмельной голос, – я ведь ничего такого... Желаю только познакомиться с прекрасной... ик... дамой!

Седовласый выглянул в вагон и поморщился: в двух шагах от барышни стоял тот самый хмельной франт, который за некоторое время до этого сообщил всему вагону, что лихие поляки должны покориться нам на том только основании, что наша матушка Россия – всему свету голова.

– Этот мерзавец не оставляет меня в покое, а все кругом молчат! – воскликнула барышня, которая уже, подняв брови, вопросительно смотрела на седовласого. – Что же мне делать, скажите?!

Седовласый поднялся с дивана и неожиданно церемонно поклонился барышне.

– Сударыня, – галантно проговорил он, – я был бы рад, если бы вы разделили со мной и моим помощником наше скромное купе...

Дважды просить не пришлось: барышня в шляпке в тот

же миг порхнула на место рядом с Ганцзалином. Тот слегка нахмурился, но ничего не сказал, только чуть отодвинулся, чтобы сидеть было свободнее.

Однако преследователь не собирался отступать так просто. Механически разгладив на своем вечно обиженном лице небольшие усики, он с вызовом посмотрел на седовласого. Не дождавшись, однако, никакой реакции, медленно перевел взгляд на Ганцзалина и поднял брови.

– В чем дело, господа? – сказал он удивленно. – Почему по отделению второго класса шастают японцы?

Седовласый хмыкнул и неожиданно отвечал, что Ганцзалин не японец, а китаец.

– Почему тогда в вагон пускают китайцев? – повторил франт, слегка перекатываясь с носка на пятку и обратно. – Тут уже мимо меня проходил какой-то перс и случайно ударил меня рукой в левый глаз. И представьте себе, у меня в этом глазу до сих пор туман стоит. Я, господа, составлю жалобу... Персии придется ответить за свои бесчинства!

И он с вызовом поглядел на собеседника.

– Милостивый государь, если вы сейчас же не вернетесь на свое место, я ударю вас рукою уже и в правый глаз, – посулил ему седовласый. – Причем сделаю это не случайно, а преднамеренно. И туман у вас, таким образом, образуется уже во всех глазах, которыми вас одарила природа.

Франт некоторое время тупо смотрел на седовласого, как бы прикидывая саму возможность огорчительной перспек-

тивы, которую ему только что обрисовали, потом все-таки заговорил.

– П-помилуйте, – сказал он с обидой, – мне кажется, вы не выказываете должного уважения... Я просто хотел поговорить с барышней...

– Да, вот только барышня с вами говорить не желает!

Барышня тут же и подтвердила: совершенно не желает.

– Но позвольте! – франт возвысил голос, который, как это бывает у пьяных людей, неожиданно зазвучал басами. – Она сама со мной заигрывала... Она строила мне глазки, она делала авансы.

Барышня тут же возмутилась: каков наглец, никаких авансов она не делала!

– Бесполезно с ним разговаривать, – негромко проговорил Ганцалин, – разрешите, я оторву ему голову?

Седовласый посмотрел на франта и чрезвычайно внушительно заметил, что если тот немедленно не вернется на свое место, его слуга оторвет ему голову.

– И выброшу в окно, – мстительно добавил Ганцалин.

– И выбросит в окно, – согласился седовласый.

Встретившись взглядом с Ганцалином, франт, кажется, немного протрезвел. Бормоча что-то себе под нос, он неверным шагом двинулся в сторону третьего класса и почти упал на скамейку.

– Благодарю вас, господа, этот разбойник никак не хотел оставить меня в покое, – сказала барышня, убирая под шляп-

ку выбившийся локон. – Вообще, ужасный поезд. Душно, еле тащимся, а в буфете по закускам бегают тараканы.

Седовласый приподнял одну бровь и сообщил, что на родине его помощника тараканов даже употребляют в пищу.

– И что же, – сказала барышня со смехом, – это очень вкусно?

– Некоторым нравится, – отвечал желтолицый, но лицо при этом скорчил такое, что сразу стало ясно: сам он – не большой любитель тараканьих блюд.

Барышня посмотрела в окно, потом весело оглядела своих собеседников и решительно спросила:

– А позвольте узнать, господа, с кем именно свела меня судьба в этот сложный для меня час?

Седовласый бросил короткий взгляд на желтолицего. Во взгляде этом отчетливо читалось: «Везет нам, друг Ганцзалин, на энергичных барышень!» Вслух, разумеется, он говорить этого не стал, лишь вежливо улыбнулся и представился:

– Действительный статский советник Нестор Васильевич Загорский. А это – мой помощник Ганцзалин.

– Какое забавное имя, – засмеялась барышня. – И что же оно значит?

Желтолицый бросил на господина сердитый взгляд, но тот даже бровью не повел³.

---

³ Имя «Ганцзалин» когда-то подобрал своему слуге сам Загорский. Оно переводится как «Шест пестрого лицедея». Сам Ганцзалин этим своим именем поначалу был недоволен.

– В переводе с китайского оно означает человека, достойного во всех отношениях.

Девушка с интересом посмотрела на Ганцалина, тот приосанился.

– А вас как изволите величать? – спросил, в свою очередь, китаец.

– Варвара Евлампиевна Котик, – отвечала та, глядя, впрочем, не на Ганцалина, а на Загорского. – Дочь здешнего священника Евлампия Петровича Котика.

Действительный статский советник внимательно посмотрел на нее.

– Так вы поповна?

Та засмеялась: что, не похожа? Его превосходительство думал, что все поповские дочери ходят в платках и в длинных черных платьях? Загорский с легким неудовольствием отвечал, что ничего такого он не думал, и поповны – точно такие же женщины, как и все остальные и могут ходить, в чем им заблагорассудится.

– Я рада, что прогрессивные взгляды проникли даже в стан таких... – тут она запнулась.

– Таких мастодонтов, как я? – досказал Загорский.

Слегка смутившись, Варвара отвечала, что он вовсе не мастодонт. Она имела в виду, что прогресс коснулся даже таких высокопоставленных чиновников, как господин Загорский. Ведь он же чиновник, не так ли? Чиновник, согласился Нестор Васильевич, тут уж ничего не попишешь.

– Так какими же судьбами в наших краях оказалось ваше превосходительство?

Загорский слегка прищурился, как будто что-то припоминая...

Перед глазами его, как наяву, явилась хмурая физиономия командира Отдельного корпуса жандармов генерал-лейтенанта Толмачева. Генерал мрачно щурился, седые усы его, обычно бравые, несколько провисли книзу, словно под тяжестью многочисленных государственных забот. Его высокопревосходительство был ровесником Загорского, однако, если тому по виду нельзя было дать и пятидесяти, генерал выглядел на все семьдесят.

Разговор проходил в просторном служебном кабинете Толмачева, обставленном с бору по сосенке. То есть, разумеется, мебель была выдержана в одной манере, но все остальное – висящие на стенах японские картины укиё, китайские мечи, казацкие шашки и атаманская булава – так вот, все это ясно говорило, что хозяин кабинета биографию имел самую пеструю.

И в самом деле, Владимир Александрович Толмачев не был, так сказать, природным жандармом, поднявшимся из самых низов сыскного дела. Напротив, командиром Жандармского корпуса он сделался, если можно так выразиться, по случаю – и совсем недавно притом. Окончив в юности Пажеский корпус, Толмачев служил некоторое время в гусарах, был участником русско-турецкой, а позже – и русско-япон-

ской войны. Занимал разные должности, в том числе атаманом Второго войскового отдела Оренбургского казачьего войска, командира Второй бригады Оренбургской казачьей дивизии, начальника отдельной Забайкальской конной бригады и начальника Уссурийской конной бригады.

– Нестор Васильевич, дорогой, простите, что беспокоил по столь ничтожному поводу, – говорил Толмачев, шевеля бровями, – но ей же ей, не знаю, что и делать. Я в жандармах без году неделя, по высочайшему повелению сюда сослан, Бога молю, чтоб ненадолго. Однако, нравится – не нравится, а дело, сами понимаете, надо делать. Так вот, я ради нашего старого знакомства решил вас позвать – может быть, дадите какой-то совет.

– Постараюсь помочь, чем только смогу, – отвечал Загорский, с любопытством глядя на старого вояку и недоумевая, что же привело его в такое замешательство.

– Привело, – воскликнул Толмачев, – еще как привело!

И поведал действительному статскому советнику весьма двусмысленную, на его взгляд, историю. Недолгое время тому назад археолог-любитель барон Роман Эрнестович фон Шторн снарядил экспедицию на юг России, в деревню Розумихино Царицынского уезда.

– Уж не знаю, чего он там надеялся доискаться, – говорил Толмачев, поводя усами по сторонам, словно охотящийся кот, – только верьте слову, все это очень странно.

– Что ж тут странного? – удивился Загорский. – Царицын

– это Прикаспийская низменность, а она представляет безусловный интерес для археолога. В частности, там обнаружены следы архантропов⁴, стоянкам более двух миллионов лет... А этот ваш Шторн, что же, от Русского археологического общества туда поехал?

– Нет, сам собою, – проговорил генерал, почему-то понижая голос.

Нестор Васильевич пожал плечами: что ж, насколько он понимает, в самой экспедиции нет ничего подозрительного. Толмачев согласился – в экспедиции нет. Подозрительное заключается совсем в другом. А именно, спустя примерно неделю после прибытия в Розумихино, один из работников барона, эстонец по фамилии Саар, пропал. Сначала думали, что он просто сбежал. Однако позже обнаружили окровавленные лохмотья, оставшиеся от его одежды.

– Где обнаружили? – заинтересовался Загорский.

Оказалось, в местном озере.

– Может быть, он просто случайно утонул? – предположил Нестор Васильевич. – Выпил, упал в озеро...

Генерал согласился – возможно, что и выпил, и даже что упал. Но тогда почему одежда окровавлена? Загорский пожал плечами: зацепился за корягу, пытался освободиться, поранился...

– А почему тогда всплыла одежда, а тело не всплыло? –

---

⁴ Архантроп – человек выпрямленный, он же человек прямоходящий; ископаемый вид, считается непосредственным предком человека разумного.

спросил Толмачев.

– Резонно, – кивнул Нестор Васильевич, – давайте дальше.

Дальше за дело взялось местное жандармское полицейское управление железных дорог.

– А почему жандармы, почему не полиция? – прищурился Загорский.

Генерал удивился. Неужели его превосходительство забыл, что жандармы на железной дороге и в ее ближайших окрестностях занимаются не только политическим сыском, но и выполняют полицейские функции?

– Да-да, – рассеянно кивнул Нестор Васильевич, который, кажется, думал о чем-то своем. – Прошу вас, продолжайте.

На место происшествия был послан следователь Василий Персефонов. Он, как и положено, покрутился там, порасспрашивал людей, поразнюхивал что-то – и спустя недолгое время тоже сгинул, причем бесследно.

– Это становится забавным, – хмыкнул Загорский.

– Забавнее некуда, – свирепо кивнул генерал. Глаза его вращались, усы сердито шевелились; видно было, что раздражен он до крайности.

– Туда посылали ныряльщиков?

Ныряльщиков посылали, но те ничего не нашли – озеро слишком глубокое. Из местного жандармского отделения телеграфировали в Петербург, испрашивая у начальства дальнейших указаний. Генерал, конечно, мог бы послать туда еще

с десятков следователей, но...

– Побоялись, что их тоже утопят? – улыбнулся Загорский.

– Нет, – отвечал Толмачев чуть обиженно, – ничего я не боюсь. И вообще, для дела мне людей не жалко. Однако, изволите видеть, возникло совершенно неожиданное препятствие к дальнейшему расследованию. Барон фон Шторн, побрали бы его немецкие черти, взялся строить нам препоны. В частности, написал жалобу на тамошнее жандармское отделение. Суть жалобы состоит в том, что наши люди мешают ему заниматься делом и отвлекают от работы. Он требует, чтобы их устранили – во всяком случае, до того момента, как он не закончит свои раскопки.

– Оригинальный господин этот ваш фон Шторн, – заметил Нестор Васильевич. – Рядом с ним убили двух человек, при этом один из них – жандармский следователь, а с него все как с гуся вода.

– В том-то все и дело! – воскликнул Толмачев. Потом, словно испугавшись, умолк, вышел из-за стола, за которым сидел, обогнул Загорского, подошел к двери, неожиданно открыл ее, выглянул наружу. Ничего подозрительного там не обнаружив, закрыл дверь поплотнее и вернулся за стол, заговорил вполголоса. – Понимаете ли, все дело в том, что этот фон Шторн – из остзейских немцев, живет в Лифляндии...⁵

Тут он умолк и некоторое время молча и очень значитель-

---

⁵ Лифляндская губерния, Лифляндия – прибалтийская (остзейская) губерния Российской империи, располагалась на берегу Рижского залива.

но глядел на Нестора Васильевича.

– И что же? – осведомился тот, так и не дождавшись продолжения.

– Вы знакомы с балтийскими немцами? – в свою очередь, спросил генерал.

Загорский пожал плечами: весьма поверхностно, а в чем, собственно, дело?

Толмачев горько усмехнулся. Он знает, что Нестор Васильевич – человек без предрассудков: ему что еврей, что цыган, что балтийский немец – все едино.

– Но я-то – человек на государственной должности, – продолжал генерал, понизив голос. – Я вынужден глядеть на мир открытыми глазами. И должен вам сказать, что эти самые немцы живут у себя в Лифляндии так, как будто никакой России и вовсе не существует. Как будто бы мы с вами – не великое государство, а какой-то придаток к, простите за грубость, Германской империи. Остзейские аристократы не только между собой по-русски не говорят, они даже крестьянам своим, несчастным эстонцам и латышам, воспрещают это делать!

Он умолк, со значением глядя на Загорского. Тот молча ждал продолжения.

– Вы скажете: подумаешь, язык, подумаешь, какие-то эстонцы! А я вам на это отвечу так: господа балтийские немцы ощущают себя экстерриториальными, – генерал не без труда выговорил сложное слово. – То есть, говоря человеческим

языком, они не желают подчиняться нашим порядкам и обычаям. И не только на земле Лифляндии, но и по всей Российской империи. Никто не может пойти против их воли, даже если они нарушают закон. А знаете, почему? Знаете? Потому что их опекают на самом верху!

И генерал яростно потыкал пальцем в потолок. Могло показаться, что этим жестом он намекает прямо на Господа Бога, которому лифляндские немцы сделались вдруг милее остальных народов и которых он по неизвестным причинам объявил народом богоизбранным, каковыми до сей минуты считались только евреи и русские. Но Загорский, конечно, истолковал загадочный жест генерала совсем в другом смысле.

– Вы, Владимир Александрович, вероятно, имеете в виду императрицу Александру Федоровну?⁶ – осведомился он.

– Само собой, – нервно проговорил генерал. – Но и не только!

– Марию Федоровну?⁷

– Берите выше, – Толмачев снова потыкал пальцем вверх.

– Самого государя?

Генерал несколько секунд молчал, потом, косо поглядывая на дверь, негромко заметил, что он этих слов не говорил,

---

⁶ Александра Федоровна – российская императрица, жена императора Николая II. Немка, дочь великого герцога Гессенского и Прирейнского Людвига IV.

⁷ Мария Федоровна – российская императрица, жена императора Александра III и мать Николая II. При рождении – датская принцесса.

и пусть они останутся на совести дражайшего Нестора Васильевича. Однако, как бы там ни было, факт налицо: русский генерал при большой должности ничего не может поделывать с простым немецким бароном. Более того, все они тут вынуждены беспрестанно озираться по сторонам и вести себя крайне осторожно.

– А вы не слишком сгущаете краски? – усомнился Загорский.

– В самый раз! – тут генерал, не выдержав, опять вскочил со стула и забегал по кабинету. – Грядет война с Германией, это же совершенно очевидно. И при этом у нас в России живет целый враждебный нам народ. Вы, конечно, будете надо мной смеяться, а я вам скажу – они все шпионы, все до единого. Насколько я понимаю, нет ни одного русского военного секрета на Балтийском море, который бы не становился известен их канцлеру Теобальду. И все благодаря господам остзейским немцам! О, Нестор Васильевич, знали бы вы, какие донесения шлют мне наши агенты с Балтийского флота! Это я вам доложу, песня, но песня страшная, погребальная. Верьте слову, когда война, наконец, начнется, потери наши будут просто ужасающими!

Загорский пожал плечами: все это чрезвычайно печально, конечно, однако какое это имеет отношение к их делу? К делу, отвечал генерал, это имеет самое прямое отношение. Из-за кляузы барона он не может послать своих людей расследовать загадочные убийства в деревне Розумихино. То есть

он, конечно, может, но это возымеет для его карьеры самые печальные последствия. А просто закрыть на это глаза и отправить дело под сукно не позволяет ему совесть...

— Именно поэтому, дорогой друг, я и решил обратиться к вам, — сказал Толмачев торжественно. — Вы не только следователь высочайшего класса, вы к тому же еще и дипломат, то есть способны найти общий язык с кем угодно — хоть с чертом, хоть с остзейским немцем. Кроме того, вы член Императорского исторического общества, а значит, способны на месте разобраться, что там за изыскания ведет барон фон Шторн и в какой степени связаны они с убийствами. Вам, таким образом, и карты в руки в этом странном и оскорбительном для русской государственности деле.

— Иными словами, вы хотите, чтобы я поехал к этому вашему фон Шторну, и меня бы там тоже утопили? — прищурился Нестор Васильевич.

— Да! — воскликнул генерал, но тут же и спохватился. — То есть нет, конечно! Я просто хочу, чтобы вы отправились туда и раскрыли эти ужасные преступления. И разумеется, вас никто не сможет утопить, потому что вы мастер своего дела, не говоря уже о том, что русский дипломат в огне не горит и в воде не тонет.

— Достаточно, — прервал его Загорский. — Не тратьте попусту ваше красноречие, я согласен...

Обрадованная физиономия генерала поплыла и растворилась в воздухе. Вместо нее на Загорского глядели чудные черные очи, глубокие, как омут. Интересно, подумалось ему, можно ли утонуть в женских глазах – да так, чтобы потом не выбраться?

Словно догадавшись, о чем он думает, Варвара Евлампиевна улыбнулась чуть кокетливо и повторила:

– Так что же привело вас в наши забытые богом края?

Загорский выдержал небольшую паузу, но не успел ответить – вместо него это сделал Ганцалин.

– Мы с господином – археологи, – заявил он так торжественно, как будто речь шла о принадлежности не к ученому сословию, а к императорской фамилии.

Нестор Васильевич, услышав это, чуть заметно поморщился, но ничего не сказал.

В глазах барышни мелькнуло любопытство. У них тут уже работает одна экспедиция, под началом лифляндского барона фон Шторна. Знакомы ли они с бароном? Загорский отвечал, что с бароном они, увы, незнакомы, но это беда небольшая: даст Бог, познакомятся, прибыв на место.

– Однако вы должны иметь в виду, что археологические экспедиции здесь притягивают к себе несчастья, – предупредила барышня. – Недавно у нас в Розумихино пропал без ве-

сти помощник барона, эстонец Магнус Саар. Чуть позже его окровавленную одежду нашли на берегу озера. Расследовать дело приехал следователь из уезда, но и он тоже пропал при странных обстоятельствах: от бедняги вообще не осталось никаких следов.

– Это любопытно, – сдержанно заметил Загорский. – Однако к археологии, которую мы с моим помощником представляем, это отношения не имеет. Впрочем, интересно бы знать, что говорят жители Розумихина. Полагают ли они, что это дело рук одного человека, или исчезновение следователя не связано с вероятным убийством эстонца?

Варвара Евлампиевна засмеялась: боже мой, это простые крестьяне, что они могут полагать? Ходят, разумеется, какие-то неправдоподобные слухи, но верить им, конечно, нельзя.

– А что именно за слухи ходят? – спросил действительный статский советник.

Барышня отвечала, что, среди прочего, подозревают самого барона, но ведь это абсолютное безумие: зачем ему убивать своего же работника, не говоря уже про следователя? Тут, однако, она умолкла и поглядела на Загорского лукаво: почему же это он интересуется? Может быть, они с его помощником – и сами полицейские агенты? Нестор Васильевич опять открыл рот и опять не успел ответить, как встрял Ганцзалин.

– Нет, мы не агенты, мы археологи...

Загорский снова бросил на него косой взгляд и опять ничего не сказал. Впрочем, после небольшой паузы он полюбопытствовал, знакома ли сама Варвара Евлампиевна с бароном Шторном, ведущим работы в Розумихино?

– Совсем чуть-чуть, – отвечала Варвара, лукаво потупив глаза.

– И как он вам показался?

О, это милый, чуть старомодный человек лет тридцати с гаком, совершенно неспособный никого утопить. Типичный немец, со всеми этими «путьте люпесны, потайте, пошалуйста, фильку и ношш» и прочим смешным немецким акцентом, не различающим звонких и глухих звуков.

– С немецким акцентом? – удивился Нестор Васильевич. – Откуда у него акцент, вы же сами сказали, что это остзейский немец. А раз так, то русский для него – родной, не правда ли?

Варвара Евлампиевна посмотрела на Загорского лукаво: ах, боже мой, его превосходительство совершенно не понимает шуток!

– У меня, – значительно промолвил Ганцзалин, – тоже был один знакомый статский советник, большой знаток женского сердца. Так вот, он тоже не понимал шуток, в особенности – женских. Всю жизнь прожил в одиночестве, если не считать его верного слуги и помощника, китайца по происхождению... Как говорится, век живи, век шути.

– Ну, довольно, – сердито прервал его Загорский, – мы,

кажется, подъезжаем.

И в самом деле, за окном уже накатывался на них длинный, чуть грязноватый перрон...

Глава вторая. Природные гады Российской империи

Перрон на здешней станции был не только нечистым, но и невысоким, так, что сходя из поезда, можно было легко подвернуть, а при большом желании даже и сломать ногу. Эти неожиданные опасности на совершенно ровном месте ясно указывали на то, что путники наши прибыли в провинцию – и не так, чтобы просто глубокую, а поистине глубочайшую. Здание вокзала, хоть и двухэтажное, но деревянное, с облупившейся зеленой краской и покосившимися окнами только подтверждало это ощущение. Немногочисленные пассажиры, высыпавшие на перрон, быстро рассеялись по окрестностям, и у Загорского возникло чувство какой-то зияющей пустоты. При близком знакомстве с этой пустотой легко было бы впасть в уныние. На счастье, они с Ганцалином оказались на станции не одни, а вместе с их новой знакомой, очаровательной Варварой Евлампиевной Котик.

– С приездом, – сказала та, почему-то лукаво улыбаясь. – Наши пенаты, удаленные от культуры и цивилизации, могут показаться вам запустелыми и печальными, но это не соответствует действительности. При ближайшем рассмотрении тут происходит много чего любопытного. Здешний предводитель дворянства мсье Кривошапкин регулярно устраивает

тут балы и концерты. У нас даже есть свой синематографический театр, который содержит помещик Портнягин. В прошлом году он пятнадцать раз показал фильму «Донские казаки». Вы любите синематограф, ваше превосходительство?

– Признаться, не очень, – рассеянно отвечал Нестор Васильевич, блуждая взглядом по скудному станционному пейзажу. – Как мне кажется, искусство это пустое, плоское и во всех смыслах глухонемое. Не говоря уже о том, что никакой синематограф не может сравниться с книгой.

Варвара Евлампиевна покачала головой: господин Загорский ошибается, за синематографом будущее. Но он, кажется, кого-то ищет? Действительный статский советник отвечал, что нужно найти извозчика, который довез бы их с помощником до Розумихина.

– Извозчиков здесь нет, – отвечала барышня. – Но за мной должна приехать пролетка. А вот, кажется, и она...

К зданию вокзала неторопливо подъехал небольшой экипаж с откидным кожаным верхом. На козлах сидел крестьянин в красной цыганской рубаше и с разлапистой, словно венник, бородой, как будто только что пешком сошедший с картины Репина или прямо доставленный сюда из охотничьих рассказов Тургенева.

– Здравствуй, Еремей, – сказала Варвара Евлампиевна, легко поднимаясь в пролетку.

– Здравия желаю, барышня, – по-военному молодцевато отвечал мужик. – И со всеми вашими спутниками.

Варвара засмеялась – это не мои спутники, трогай! И пролетка тронулась, увозя ее прочь по ухабистой дороге. Загорский задумчиво посмотрел вслед облаку пыли, которую поднимал экипаж.

– О времена, о нравы, – проговорил он. – Я положительно не понимаю характера нового поколения...

Верный Ганцалин осведомился, что тут ему непонятно. Оказалось, Нестор Васильевич почему-то полагал, что госпожа Котик предложит им доехать до села в ее пролетке.

Во-первых, в пролетке только два места, отвечал на это помощник. То есть господину бы еще хватило, а ему, Ганцалину, пришлось бы бежать по дороге рядом. Во-вторых, если господин хотел ехать с барышней, надо было ей об этом сказать. В противном случае откуда бы она узнала, что они на нее рассчитывают?

Загорский рассердился и велел ему не болтать глупостей. Есть вещи, сами собой разумеющиеся, заметил он. Госпожа Котик ведь не простая крестьянка, и, хотя барышня она оригинальная, но наверняка что-то слышала о правилах приличия. Можно было бы предложить им экипаж хотя бы из чистой любезности, все-таки до деревни идти добрых десять верст.

– Если поторопимся, в полтора часа доберемся, – деловито заметил Ганцалин.

Однако такая перспектива почему-то совершенно не обрадовала его господина. Тащиться по грязной пыльной доро-

ге под палящим солнцем пешком? Нет уж, слуга покорный. Пусть лучше Ганцзалин подыщет им на станции какую-нибудь телегу – доехать до Розумихина.

К несчастью, пока они беседовали с Варварой Евлампиевной, все телеги оказались уже разобраны. Им досталась только какая-то немыслимо древняя повозка, которой управлял старик-крестьянин с куцей седой бороденкой, шустрыми, как мыши, глазами, и в потерявшем цвет картузе. Телегу его, видимо, никто не решился арендовать ввиду ее чрезвычайной ветхости. Скрипящая, разохшаяся, какого-то пегого оттенка – казалось, она может просто рассыпаться при малейшей неровности.

– Судя по всему, ее тоже выкопали археологи, – заметил Загорский. – Очень может быть, что на ней ездили еще при Владимире Красное солнышко⁸. Остается только гадать, на какой версте она развалится.

– Если не развалилась раньше, не развалится и сейчас, – бодро заметил Ганцзалин, забрасывая саквояжи в телегу. – Прекрасный экипаж, домчимся в два счета.

Они уселись поудобнее на пыльных рогожных мешках, устилавших дно, и телега с некоторым усилием двинулась вперед. Конь, который был в нее впряжен, оказался вполне под стать самому экипажу – грязноватой серой масти, пону-

---

⁸ Владимир Красное солнышко – былинный князь, прототипом для которого стал живший в X–XI веках великий князь киевский Владимир Святославич, крестивший Русь.

рый, костлявый, со спутанной гривой и даже, кажется, без некоторых зубов.

Помощник, впрочем, тут же объяснил Нестору Васильевичу, что масть и зубы для лошади ничего не значат, в настоящем скакуне главное – стать и мах.

– Мах у него знатный, – согласился Загорский, – идет не быстрее пешехода.

– Шибче никак нельзя, – неожиданно ввязался в разговор возница, – сивка мой на возрасте, от лишней резвости может и копыта на ходу отбросить.

Выслушав эту тираду, действительный статский советник бросил на помощника выразительный взгляд. Ганцалин в ответ пробурчал, что зато цена совсем небольшая – всего полтинник за поездку. Возница, внимательно слушавший их разговор, оживился.

– Целковик пожалуйста, барин, – неожиданно сказал он, почесав в куцей бороде.

Китаец бросил на него взгляд, от которого любой другой крестьянин кроме русского, надо думать, немедленно помер бы со страху.

– Это почему целковик, – грозно спросил он, – договаривались ведь на пятьдесят копеек?!

– Так то за одного человека, а вас двое, – охотно объяснил старик.

Нестор Васильевич и Ганцалин переглянулись.

– Ладно, будет тебе целковик, – кивнул Загорский.

Однако старик на этом не уgomонился.

– Прибавить надо, ваше благородие, – проговорил он невесть откуда взявшимся басом. – Еще целковик, не меньше.

– А это за что? – спросил Ганцалин, прищуривая глаза от гнева.

– Поклажа больно тяжелая, конь, того и гляди, надорвется. А кому не нравится, так вот, пожалте по дороге пешочком топать.

И, как бы показывая серьезность своих намерений, натянул вожжи, от чего старый сивка немедленно встал, как вкопанный, может быть, надеясь, что сегодняшнюю работу он уже выполнил.

Несмотря на бессмысленную наглость требования, Загорский согласился и на это условие. Он не без оснований опасался, что закипавший Ганцалин захочет долбануть старика-крестьянина своим железным кулаком прямо по древнему его картузу, а разбирательство со здешними органами власти в его планы совсем не входило. Он даже не стал искать местную жандармскую команду, чтобы доложиться о приезде. Действительный статский советник заявил своему помощнику, что чем меньше народу узнает об их появлении, тем будет лучше. Не говоря уже о том, что Ганцалин и без того перевел их на полуполюгальное положение, объявив барышне Котик о том, что они – археологи.

– Ну, где ты видел таких археологов? – увещевал он ки-

тайца. — Ни оборудования специального, ни людей в достаточном количестве. Что, по-твоему, можем мы тут отыскать вдвоем?

Ганцзалин отвечал в том смысле, что отыскать при желании можно все, что угодно. Как гласит русская пословица: была бы свинья, а лужа найдется. Загорский нахмурился и собирался, видимо, сделать помощнику выговор, но их неожиданно прервал старик-крестьянин.

— Так что, господа хорошие, сойдемся на двух целковых? — спросил он, встряхивая вожжами в воздухе.

— Сойдемся, сойдемся, езжай, любезный, — нетерпеливо отвечал ему действительный статский советник.

После этого движение восстановилось в прежнем неторопливом темпе. Сивка лениво цокал копытами по ухабистой дороге, телега переваливалась с боку на бок, норовя вывалить своих пассажиров наземь, как совершенно ненужный и обременительный груз. Чтобы не оказаться на земле, им приходилось крепко держаться за борта, что, как легко догадаться, настроения тоже не прибавляло.

Несколько минут помощник, надувшийся, как аэростат, ехал молча, потом внезапно заявил во весь голос:

— Рано!

Нестор Васильевич посмотрел на него вопросительно: что именно рано?

— Рано крепостное право отменили, — отвечал китаец. — Теперь ему и в зубы не дашь, этому жулику.

Загорский пожал плечами: их возница – бедный человек, выживает, как может. В конце концов, для них с Ганцзалином эти два рубля ничего не значат, а для крестьянина – большое подспорье. И вообще, надо понимать, что они довольно далеко отъехали от Санкт-Петербурга, и вокруг уже не привычная им Европа, а тысячелетняя Русь.

Однако китаец уперся: дело не в деньгах, но раз уж договорился, слово надо держать. Нестор Васильевич хотел было посоветовать Ганцзалину обратиться с этой максимой к его же китайским соотечественникам, которые славятся своей честностью в делах, но поглядел на обиженный вид помощника и передумал.

– Ты обратил внимание, что госпожа Котик ехала в поезде с одним только ридикулем? – спросил вместо этого Загорский, видимо, желая отвлечь Ганцзалина от неприятных мыслей.

– Ну, обратил, – пробурчал тот. – И что это, по-вашему, значит?

– Пока, видимо, ничего, – отвечал хозяин. – Просто любопытно, куда и зачем она ездила совершенно без багажа?

Однако Ганцзалин, судя по всему, не собирался беседовать о столь ничтожных материях в то время, как их с хозяином только что самым бессовестным образом нагрели на целых полтора рубля. Загорский, видя его настроение, тоже умолк и думал о чем-то своем.

Часа через полтора непрерывной езды вдоль полей они

въехали в небольшой лес.

– Леса тут должны быть редкостью, – заметил Загорский, – все же вокруг степь.

Возница заметил, что тут не только лес имеется, но даже и озеро при нем, по имени Листвянка. Нестор Васильевич кивнул: судя по тому, что лес растет на его берегах, озеро должно быть не солончаковым, а пресным, что в здешних местах тоже встречается нечасто.

Солнце тем временем уже начало садиться, и в лесу быстро сгущались сумерки. За деревьями, стоявшими вдоль дороги, заблестело обширное водное зеркало.

– А скажи-ка, братец, слышал ли ты о недавних убийствах в Розумихино? – ласково обратился Нестор Васильевич к старику вознице.

Тот поскреб в бороденке и отвечал как-то смутно, что земля слухом полнится. Говорят, чухонца убили и еще вроде как околоточного. Чухонца-то нашли, а вот фараона пока нет.

– А не полнится ли земля слухами, кто именно мог их убить? – продолжал свои расспросы Нестор Васильевич.

Старик покосился на него хмуро и отвечал, что убить мог кто угодно, потому – народ такой озорной, что не приведи Господи!

– Ну, а среди озорного народа есть такие, которые особенно озоруют? – не унимался Загорский.

Возница посмотрел на него хитро и отвечал, что так, за-

дарма сказать не может.

– Ладно, – согласился его превосходительство. – Обрисуй мне характеры наиболее буйных в вашей местности, а я тебе за это дам целковый.

Старика такой обмен вполне устроил, и он было открыл уже рот, как вдруг захлопнул и глаза его округлились.

– Гля, – пробормотал он, указывая пальцем вправо, в сторону озера, – это что еще такое?

Ганцалин и Загорский одновременно повернули головы. Старик, видно что-то разглядел в лесном полумраке и сидел бледный, мелко крестясь и бормоча что-то вроде «мать честная, богородица лесная!». Нестор Васильевич, не тратя времени на слова, спрыгнул с телеги и, сопровождаемый верным Ганцалином, прямо сквозь лес двинулся к озеру.

Спустя полминуты они уже стояли на берегу возле подозрительного предмета, вызвавшего такой страх у старика-крестьянина. Озерной волной на прибрежную траву выбросило форменный голубой мундир жандарма. Какая-то неведомая сила покровсала его в клочья, на обрывках расплылось большое темное пятно.

– Очень похоже на кровь, – заметил Ганцалин и зачем-то понюхал обрывки.

Господин пожал плечами: может быть и кровь, ничего нельзя исключать. Вероятнее всего, мундир принадлежит тому самому следователю, который пропал без вести после того, как приехал расследовать убийство. Так или иначе, у них

в руках – еще одна улика, которая говорит, что погибшие умерли не от естественных причин, а были кем-то убиты.

Тут Загорский прервал сам себя и к чему-то прислушался. Помощник глядел на него вопросительно.

– Ты слышишь? – внезапно спросил Загорский.

– Что я должен слышать? – несколько сварливо осведомился Ганцалин, которому окровавленные лоскуты в руках хозяина, кажется, действовали на нервы.

– Храп, – отвечал Нестор Васильевич. – Или похрюкивание.

Помощник прислушался. Действительно, откуда-то изда- лека, из чащи, доносилось еле слышное протяжное хрюканье. Ганцалин подумал и предположил, что такие звуки вполне могут издавать кабаны, которых в этом лесу наверняка видимо-невидимо. Вот вам, между прочим, и первые подозреваемые. Что ни говорите, а кабаны вполне могли убить эстонца и следователя, да еще и изорвать на них одежду при этом.

– Убить, конечно, они могли, а вот утопить – вряд ли, – покачал головой хозяин.

Ганцалин подумал еще немного и выдал новую, исправленную версию. По его мнению, крупный секач, которого что-то разозлило, напал на Саара и нанес ему тяжелые увечья. Тот, пытаясь спастись от зверя, прыгнул в озеро, но, поскольку был тяжело ранен, не смог плыть и утонул. Та же примерно история случилась и со следователем. Может быть

даже, их атаковал не один кабан, а целое стадо.

– Я бы даже сказал: шайка, – Нестор Васильевич внимательно оглядывал темнеющие окрестности. – Из твоих слов вырисовывается весьма правдоподобная картина. Кабаны заманивали людей в лес, там нападали на них и загоняли своих жертв в озеро. Перед этим снимали с несчастных одежду, вероятно, чтобы удобнее было вывернуть карманы и пожиться их содержимым. Скорее всего, они прогуливали все награбленное в местном кабаке. Надо поискать, не валяется ли тут поблизости бумажник, из которого звери изъяли все жалование несчастного следователя.

Ганцзалин насупился: он говорил совершенно серьезно. Что же касается одежды, то одежду покойники могли сбросить уже в озере. Она намокла, тянула ко дну – и они избавились от нее. Чем плоха его версия?

Нестор Васильевич пожал плечами и отвечал, что эта версия не хуже любой другой, не считая того, что она в корне неверная. После утопления трупы должны были всплыть на поверхность, а их до сих пор не нашли. Это может значить одно из двух. Либо утопленников что-то удерживает на дне озера, либо озеро тут вовсе не при чем, и одежду подбросили для отвода глаз. Вероятно, чтобы выяснить это, сюда придется вернуться еще раз – в светлое время суток и захватив с собой ружья. Кабан – животное злое, опасное и непредсказуемое, идти на него с голыми руками – чистое самоубийство.

Ганцзалин ухмыльнулся. А как же экзамен в школе ушу

– когда господин сдавал его, он выходил с голыми руками против кабана. А теперь вдруг боится?

– Во-первых, – отвечал Загорский, – это был не кабан, а домашняя свинья, хоть и очень большая. Во-вторых, мы дрались с ней один на один, а здесь кабанов может быть целый выводок.

– А что в-третьих? – спросил помощник.

В-третьих, он был в два раза моложе, и не желает без крайней необходимости испытывать судьбу. Пока с них довольно и лохмотьев, которые они нашли в озере. Во всей этой истории лично его удивляет пока только одно: дорога проходит совсем рядом с озером, почему обрывки мундира не нашли раньше них местные жители?

– Может, их выбросило на берег только что? – предположил помощник.

Нестор Васильевич кивнул – и такое нельзя исключать. Что ни говорите, но сегодня им необычайно повезло. Только приехали на место – и сразу обнаружили важную улику.

Однако очень скоро стало ясно, что везение их, если даже и имело место, оказалось совсем недолгим. Это они поняли, выйдя из леса обратно на дорогу. Древняя телега, на которой они ехали со станции, исчезла. Вместе с ней растворился также старый крестьянин и его верный сивка, способный, по уверениям хозяина, отбрасывать копыта прямо на ходу. Неизвестно, что так напугало возницу, однако его и след простыл.

– Не страшно, – заметил Загорский, – до деревни осталось совсем чуть-чуть.

– А вещи? – прорычал Ганцалин. – Старый пес увез наши вещи!

Китаец крайне щепетильно относился к имуществу хозяина, не говоря уже о своем собственном, и потому мгновенно пришел в неистовство. Он рвал и метал, он объявил, что старика надо было прибить на месте, не дожидаясь, пока тот сбежит. Он, Ганцалин, сразу почувствовал, что имеет дело с жуликом, а вовсе не с тысячелетней Русью, как говорил хозяин. Он это понял немедленно, как только возница потребовал прибавки! Всемилоостивый Будда, помоги ему найти негодяя, и он клянется умертвить его смертью чудовищной, самой страшной из всех возможных!

Загорский, впрочем, был совершенно спокоен.

– Вещи никуда не денутся. Опишем здешним жандармам приметы нашего старичка, они его быстро поймают. И потом, почему ты решил, что он жулик? В конце концов, человек мог просто испугаться и уехать.

– А мы?!

– Про нас он просто забыл...

Эта версия показалась китайцу весьма сомнительной, но спорить казалось бессмысленным. Был ли крестьянин жуликом, или просто испугался, результат был один – они стояли на дороге совершенно одни и без всякого имущества. Вокруг них сгущалась тьма, из леса раздавались отдаленное, но

весьма неприятное хрюканье, и Ганцалин мудро решил, что самое последнее дело сейчас – вступать с хозяином в препирательства.

Они решительно двинулись вперед и спустя пятнадцать минут вышли к околице большого села. Очевидно, это и было искомое Розумихино. Неосвещенные избы за околицей темнели мрачно и неприветливо: видимо, экономя свечи и керосин, обитатели села ложились спать пораньше.

– Любопытно, – заметил Загорский. – Мы с тобой, похоже, оказались на границе двух миров. Здесь еще мир собственно русский с его избами и смирными православными крестьянами, а дальше к югу – уже мир малоросский, гоголевский, с белеными хатами и плясками на Лысой горе.

Но помощник, кажется, не слушал хозяина: сейчас, по его мнению, имелись вещи поважнее плясок, пусть даже и на Лысой горе.

– Куда теперь? – озабоченно спросил Ганцалин. – Где искать Шторна?

– Пока нигде, – отвечал Нестор Васильевич, зорким своим, как у ястреба, глазом озирая ночные окрестности. – Я полагаю, мы не станем тревожить барона на ночь глядя. Судя по всему, характер у него вздорный и столь позднее появление может его возмутить. Хорошо было бы заселиться в номер, однако боюсь, что гостиницы тут нет. Поэтому заночуем в какой-нибудь избе. Надеюсь, местные жители окажутся к нам благосклонны.

– Будем стучаться во все избы по очереди? – спросил помощник.

Нестор Васильевич покачал головой и показал на дом, стоявший несколько на отшибе. В нем, в отличие от всех остальных, мерцал в окне желтый огонек.

– В старые времена, – заметил Загорский, – на краю деревни стояли дома самых бедных членов общины. Сейчас же ситуация изменилась. Не в том смысле, конечно, что сейчас тут селятся кулаки и богатеи. Но, как видишь, это единственный дом, в котором горит свет. Кто будет беззастенчиво жечь керосин или свечи ночью, вместо того, чтобы лечь спать и завтра подняться с утра пораньше, чтобы заняться огородом и полевыми работами? Правильно, человек умственного труда. Скорее всего, тут живет школьный учитель. Надеюсь, наше общество не будет ему в тягость.

Действительный статский советник толкнул незапертые ворота, и они оказались во дворе. Отсутствие хлева, а, значит, и домашних животных, подтверждало первоначальную версию Загорского.

– Однако огород он, кажется, держит, – заметил Нестор Васильевич, когда Ганцалин в темноте угодил ногою в кучу компоста. – И это понятно. Животные требуют постоянного ухода, не говоря уже о том, что их регулярно приходится резать. А огород, что называется, есть не просит. Во всяком случае, регулярных забот с ним меньше. Из этого можно сделать вывод, что здешний хозяин – человек трезвый и

практический.

Ганцалин, не слушая Загорского, с проклятиями пытался вытереть ногу о траву. Это ему не очень удавалось и проклятия его становились все громче и озлобленнее.

– Не кричи так, – велел ему господин, – ты своими воплями напугаешь не только всех чертей в аду, но и мирных туземцев.

Они подошли к избе вплотную, туда, где в темноте смутно брезжили очертания входной двери.

– Дом просторный, – оценил Нестор Васильевич, – значит, хозяина мы не стесним. Наверняка он уже обнаружил наше присутствие, но все же, я думаю, нам стоит постучать.

Ганцалин поднял было руку, чтобы исполнить пожелание господина, но тут дверь избы отворилась сама собой. На пороге стояла темная фигура, лица ее было не разглядеть во мраке. В руках фигура держала ружье, которое было направлено прямо на незваных гостей.

– Не двигаться, – негромко, но угрожающе сказала фигура. – Руки вверх!

– Сразу видно человека умственного труда, – ядовито заметил Ганцалин, поднимая руки. – Вы, правы, здесь нас встретят со всем возможным гостеприимством.

– Вы кто такие? – спросил хозяин дома, убедившись, что оба пришельца подняли руки. – Зачем явились?

– Мы путешественники, – невозмутимо отвечал Нестор Васильевич.

Неприветливый хозяин только хмыкнул в ответ.

– Путешественники? И что же вас занесло в нашу Тмутаракань?

Загорский сдержанно заметил, что Тмутаракань, насколько ему известно, расположена гораздо дальше к юго-западу, где-то между Азовским и Черным морями.

– Вы, я гляжу, знаток древней географии, – язвительно заметил хозяин дома.

– Скорее уж, истории, – уточнил действительный статский советник.

– Вы историк? – их ночной собеседник от неожиданности даже ружье опустил и перестал, наконец, целиться в незваных гостей.

– Позвольте представиться, – проговорил Загорский, вежливо склоняя голову, – почетный член Императорского Русского исторического общества, действительный статский советник Нестор Васильевич Загорский. А это мой помощник Ганцалин.

Несколько секунд хозяин дома стоял, переводя взгляд с Ганцалина на Загорского и обратно.

– Удивительно, – сказал он. – Просто поверить не могу. Впрочем, если все действительно так, как вы говорите – прошу вас быть моими гостями.

И отошел в сторону, давая гостям проход.

– А он не выстрелит нам в спину? – спросил Ганцалин по-китайски, пока они шли внутрь дома, а хозяин следовал

за ними.

– Успокойся, – по-китайски же отвечал Загорский. – Тут тебе не китайские триады и не сицилийская мафия, это обычный русский учитель.

– Еще неизвестно, кто опасней, – огрызнулся китаец. – Знал я одного учителя, так он головы ученикам резал...

– Помолчи, – велел ему Нестор Васильевич, – нехорошо, что мы при хозяине дома говорим на непонятном ему языке.

Они вошли в горницу и осмотрелись по сторонам. Обстановка в избе была самая простая. Стол, стул, печка, лавка, полати, нехитрая огородная утварь. Из общего ансамбля несколько выбивался только большой книжный шкаф, наполненный книгами и журналами, да на стене висела небольшая литография, изображавшая охоту нильского крокодила на антилопу.

– Прошу садиться, – сказал хозяин, глядя на гостей внимательными серыми глазами.

Они сели на лавку, хозяин дома – на стул. Неверный свет керосиновой лампы озарял его лицо. Надо сказать, внешность у него оказалась незаурядной. Тонкие брови, идеально прямой нос, слегка взъерошенные русые волосы, решительный рот, чью строгую линию слегка смягчали усы, левой подбородок, очертания которого маскировала мягкая бородка. Но самым главным в его внешности были глаза – внимательные, понимающие и смотревшие, кажется, прямо в душу собеседнику. Глаза эти светились особенным внут-

ренним огнем, какой на небесах можно видеть почти у всех ангелов, а на земле – только у фанатиков и святых.

«Святой или фанатик? – подумал про себя Загорский. – Впрочем, неважно, скоро все будет ясно».

– Скажите, а ваш Ганцзалин тоже историк? – осторожно осведомился хозяин дома, который, в свою очередь, внимательно их рассматривал.

– Он больше, чем историк – он китаец, – отвечал Нестор Васильевич. – Как известно, китайцы – настолько древняя нация, что, кажется, в древности своей переросли и саму историю. Во всяком случае, ту ее часть, которая нам известна.

Хозяин дома рассмеялся, но тут же спохватился и умолк.

– Тысяча извинений, – сказал он, продолжая глядеть на Загорского удивительными своими глазами. – Я вот вас допрашиваю, а сам даже не представился...

Он поднялся со стула, одернул на себе коричневый мятый пиджак и сказал очень просто:

– Дмитрий Сергеевич Ячменев, здешней земской школы учитель.

– Преподаете, стало быть, все науки сразу? – улыбнулся Загорский.

– Да, – засмеялся Ячменев, – универсал вроде Леонардо да Винчи. Вы уж извините, что я вас с ружьем встретил. Публика тут разная ходит, недавно вот два человека пропали, есть подозрение, что убиты. Приходится принимать меры предосторожности, деваться некуда. Давайте-ка, я вам с дороги са-

моварчик раскочегарю, вы, верно, проголодались.

– Благодарю, – сказал Нестор Васильевич, – дорога, действительно, вышла чуть более длинной, чем мы ожидали.

Учитель вынес самовар в сени и спустя недолгое время принес обратно уже горячим.

– Я, видите ли, живу анахоретом – ни жены, ни даже кухарки, все приходится делать самому, – сказал он, как бы извиняясь.

Действительный статский советник отвечал, что в таком образе жизни есть свои преимущества: уединенность, покой и много времени для самостоятельных занятий. Насколько можно судить по обложкам книг и журналов, их доброго хозяина особенно интересует древнерусская литература и история.

– Да, – с легким, как показалось Загорскому, смущением, кивнул Ячменев. – Я ведь Московский университет окончил, как раз историко-филологический факультет. Ну, и понемногу занимаюсь сам, стараюсь не забывать, что знал, да и новости науки тоже почитываю.

Чай оказался неожиданно вкусным, они пили его с кусковым сахаром и пряниками. Только Ганцалин отказался от того и другого, еле слышно пробурчав, что это варварство – портить вкус чая всякими сладостями.

– Да, я слышал, что в Китае чай пьют в натуральном виде, ничего не добавляя, – проговорил Дмитрий Сергеевич, как бы спохватившись.

Нестор Васильевич отвечал, что чай в Китае пьют по-разному. В столице, действительно, предпочитают натуральный вкус, а где-нибудь на юге пьют с таким количеством сладостей, что даже и русскому человеку со удивлением и смехом⁹.

– Да-да, – засмеялся хозяин дома, который оказался человеком неожиданно веселым и светским, – кто же убо восхощет такового ефопского чая пити...¹⁰ Переписка Курбского с Грозным, не так ли?

Они еще немного побеседовали о древнерусской литературе, причем Дмитрий Сергеевич восхищался ей без меры и говорил, что это просто кладезь языковых богатств, которые почему-то почти совершенно игнорируют современные писатели.

Как бы невзначай Нестор Васильевич обратил внимание на литографию с крокодилом.

– Да, – сказал Ячменев с неожиданной гордостью, словно бы сам писал земноводное с натуры, – это, если хотите, древний символ здешних мест.

– Любопытно, – заметил Нестор Васильевич, – однако и странно немного. Здесь, конечно, юг, но все-таки не Африка и даже не Азия, откуда тут взяться крокодилам? Или это что-то вроде герба здешнего помещика?

---

⁹ Загорский мимоходом проверяет, распознает ли его собеседник скрытую цитату из переписки Ивана Грозного и князя Андрея Курбского.

¹⁰ Ячменев отвечает на шутку Загорского измененной цитатой из Первого послания Грозного Курбскому.

Ячменев кивнул головой: именно так. Русский помещик, сами знаете, тщеславен и кого только себе на герб не сажал – и орлов, и драконов, и грифонов с русалками. Но здешний, кажется, всех переплюнул и, похоже, желает напрямую вести свой род от крокодилов.

– Вы это серьезно? – удивился Загорский.

Дмитрий Сергеевич пожал плечами. В Розумихине ходит легенда, и он сам ее слышал, что в здешних местах водятся крокодилы. Более того, согласно преданию, два века назад жил здесь поп из староверов, который подкармливал огромного ящера, жившего в тутошнем озере...

– Да вы его проезжали, наверняка видели, – перебил сам себя учитель. – Оно от дороги саженьх¹¹ в десяти, едва-едва деревья его прикрывают.

Загорский и Ганцзалин обменялись быстрыми взглядами.

– Так вот, – продолжал Ячменев, – согласно преданию, жившего здесь когда-то гигантского крокодила подкармливал местный поп. Однажды еда у попа кончилась, и он отдал крокодилу свою собственную дочь. Узнав об этом, разъяренные крестьяне убили попа, а крокодил сгинул в нетях.

– Но ведь это всего только легенда, в которой, судя по всему, отразилось государственное неприятие старообрядческой церкви, – Нестор Васильевич отпил остывающего чаю. – Сами посудите, крокодил в этих широтах – это зоологический нонсенс.

---

¹¹ Сажень – примерно 2,1 метра.

— Ну да, все господа ученые так думают, — весело согласился Ячменев. — Однако исторические факты говорят немного о другом. Ну, изустные предания и всякие там народные рапсоды — это, конечно, для науки не аргумент. Но что вы скажете о письменных хрониках? Некоторые из них прямо повествуют о наличии крокодилов на русской земле. Причем крокодилов диких, а не привезенных из жарких стран на потеху князьям и богатым людям.

Он подошел к шкафу, вытащил оттуда толстую тетрадь в коленкоровом переплете, открыл.

— Вот, например, Галицко-Волынская летопись. Запись от 2 декабря 1582 года гласит о нашествии крокодилов на Новгород. — Он откашлялся и прочитал, окая, словно священник в церкви. — «Того же лета изыдѡша коркодилы лютии из реки, и путь затвориша, людей много поядѡша, и ужасѡшоя люди и молиша Бога по всей земле. И паки спряташася, а иных избѡша...»

Он поглядел на Загорского: что скажете? Русский летописец соврет — недорого возьмет? Ладно, а как вам свидетельство австрийского посла Сигизмунда Герберштейна в его «Записках о московитских делах»? Запись сделана в 1528 году. Вот послушайте, это перевод с немецкого.

Ячменев перелистнул страницу и прочитал:

— «Область сия изобилует рощами и лесами, в которых можно наблюдать страшные явления. Именно там и поныне очень много идолопоклонников, которые кормят у себя до-

ма каких-то змей с четырьмя короткими ногами, наподобие ящериц, с черным и жирным телом, имеющих не более трех пядей в длину... в положенные дни они очищают свой дом и с каким-то страхом благоговейно поклоняются им, выполняя к поставленной пище, до тех пор, пока те, насытившись, не вернутся на свое место».

– Три пяди¹² – это меньше двух футов¹³, – заметил Загорский. – Для крокодилов мелковаты, не находите?

– Может быть, подкармливали только молодняк, а взрослые особи промышляли сами, – пожал плечами Ячменев. – И вот, кстати, что еще пишет посол: «Русские бояре в Московии содержат в огромных лоханях с водой кровожадных ящеров для собственного увеселения».

Учитель торжествующе поглядел на Загорского. Предположим, летописец соврал, но какой смысл врать Герберштейну? Человек серьезный, положительный, дипломат. Да, между нами говоря, и летописцы не оставляли потомкам совсем уж откровенной небывальщины.

Однако, судя по скептическому выражению лица Нестора Васильевича, Ячменев гостя не убедил. Хозяина дома, впрочем, это не огорчило.

– Понимаю, – кивнул он. – Летописцы, дипломаты – люди ненадежные. Но что вы скажете о совсем недавнем свидетельстве? Каких-то двадцать лет назад газета «Псковские ве-

---

¹² Пядь – 17,78 сантиметра. Три пяди это примерно 53 см.

¹³ Фут – около тридцати сантиметров.

домости» писала о том, что из реки Великой выползло сонмище крокодилов, которые пожрали множество собак и кошек. Кроме того, при сем зоологическом катаклизме пострадали и отдельные подданные Российской империи.

Нестор Васильевич пожал плечами: бульварная пресса, что тут скажешь? Они, если понадобится, крокодилами заселят не только Псков, но и резиденцию его императорского величества.

– Могут, – весело согласился Дмитрий Сергеевич. – К слову, о величествах. Имеется у меня в коллекции донесение Арзамасского земского комиссара Василия Штыкова.

Он перелистнул страницу и прочитал:

– «Лета тысяча семьсот девятнадцатого, июня четвертого дня. Была в уезде буря великая, и смерч, и град, и многие скоты, и всякая живность погибла... И упал с неба змий, Божьим гневом опаленный, и смердел отвратно. И, помня Указ Божьей милостью Государя нашего Всероссийского Петра Алексеевича от лета тысяча семьсот восемнадцатого о Куншткаморе и сбору для ея диковин разных, монструзов и уродов всяких, каменьев небесных и разных чудес, змия сего бросили в бочку с крепким двойным вином...»

Ячменев хитро поглядел на Загорского: увлекательно, не так ли – и продолжил читать.

– «В длину сей монструз от пасти до конца хвоста спаленного – в десять аршин и пять вершков, и зубья в пасти той, яко у щуки, но более того и кривые, а спереди еще более

в два вершка, а крылья, яко у нетопыря – кожаные, и одно крыло от хребта змиева длиной аж в девять аршин и десять вершков, а хвост зело длинен, в четыре аршина и пять вершков, лапы голые, с когтями, яко у орла и более, и лапы на крыльях четырехперстные с когтями ж, а глаза блеклы, но весьма свирепы».

– Ну, это уж простите, не крокодил, а какой-то птеродактиль, – пожал плечами Загорский.

– И пусть птеродактиль, – отвечал учитель. – Там, где поймали птеродактиля, вполне может быть и крокодил, и вообще кто угодно. Я полагаю, что комиссар петровских времен не стал бы врать в донесении. Петр Великий, как все знают, отличался чрезвычайно раздражительным нравом. И если бы должностное лицо отослало такой рапорт, не имея возможности подтвердить сообщение, так сказать, предметно – его могли ждать пытки или даже смерть. Следовательно – что? Следовательно, мы вполне можем предположить, что еще совсем недавно по русской земле ходили разнообразные экзотические гады. Нет, я не настаиваю на том, что это были обязательно крокодилы. Это могли быть гигантские ящерицы или даже какие-нибудь ископаемые земноводные, в силу неизвестных обстоятельств на миллионы лет пережившие своих сородичей...

С минуту действительный статский советник молчал. Потом поднял глаза на собеседника.

– Ну, хорошо, – сказал он. – Предположим, что эти кро-

кодили или какие-то другие монстры действительно топтали нашу богоспасаемую землю еще несколько веков назад. Почему же о них осталось так мало свидетельств?

– Да потому что некому было эти свидетельства оставлять, – усмехнулся Ячменев. – Монстры эти наверняка гнездились где-нибудь на природе, в сельской местности. А там жили одни неграмотные крестьяне, которым что дракон, что крокодил, что змей из бездны – все едино. А вы знаете, что нет в России ни одной мало-мальски крупной деревни, где бы не ходили предания о гигантских змеях? И это при том, что власти и церковь такие легенды категорически не одобряют. Однако надо понимать, что змей тут – общее название для любого гада. А то, что он на четырех ногах и с драконьей головой – так это детали, в которые мало кто вдавался.

Загорский любопытствовал, почему же всех этих крокодилов не видно сейчас? Потому, отвечал Ячменев, что они, вероятно, подверглись массовому уничтожению со стороны крестьян. Выжили только отдельные особи, которые и доживают свой век в озерах и болотах.

– Ну, что ж, – задумчиво заметил Нестор Васильевич, – может быть, какое-то здоровое зерно во всех этих историях имеется. Во всяком случае, сходу отрицать существование русских крокодилов на том только основании, что эта порода неизвестна зоологам, наверное, не стоит. Кстати, неплохо было бы переговорить со здешним помещиком. Как его фамилия?

– Его фамилия Погудалов, вот только переговорить с ним вряд ли получится, – отвечал учитель. – Не так давно он продал свои земли крестьянам и дачникам, и уехал прочь – кажется, в Италию...

С крокодилолюбивых помещиков и их подопечных беседа сама собой понемногу перешла на темы менее экзотические. Разговор они закончили далеко за полночь, и ко сну отошли уже часов около двух ночи.

Глава третья. Приключения оторванной головы

Утром Загорский и Ганцзалин поднялись, как обычно, в семь. Однако хозяин дома был уже на ногах и занимался огородом, на котором, как рассказал он еще вчера, произрастают у него картошка, огурцы, помидоры и репа. Впрочем, огородничал Ячменев недолго и очень скоро вернулся в дом.

– Вот, полюбуйтесь, – сказал он, заходя в избу. В руках у него были два саквояжа – коричневый и серый. Нестор Васильевич и его помощник немедленно узнали своего имущество.

– Откуда это у вас? – удивился Загорский.

– Кто-то ночью к дверям подкинул, – отвечал тот озабоченно. – Что, почему – ума не приложу. Придется, видимо, отправить в полицию – пусть разбираются.

Загорский однако, заявил, что отправлять что бы то ни было в полицию нет необходимости по той простой причине, что это их саквояжи.

– Любопытно, – сказал Дмитрий Сергеевич, прищуриваясь, – а я-то вчера удивлялся – люди из самого Петербурга явились, но совершенно без вещей. Решил, что вы их на станции оставили, чтобы подвезли позже.

Нестор Васильевич отвечал, что дела обстоят несколько

иначе, и в двух словах пересказал учителю вчерашнюю историю с исчезновением не только телеги с возницей, но и их собственного багажа.

– Лысый в картузе на сером одре? – задумался Дмитрий Сергеевич. – Это, должно быть, Антип... Очевидно, действительно испугался: старик он жадный, но, кажется, не вороватый. Что ж, все хорошо, что хорошо кончается. Забирайте с Богом ваши ридикюли¹⁴.

Действительный статский советник с помощником отнесли саквояжи в комнату, где они ночевали.

– Надо бы проверить, все ли на месте, – заявил Ганцалин, вскрывая саквояж хозяина.

– Полагаю, ничего не пропало, – рассеянно отвечал Загорский, думая о чем-то своем.

Ганцалин, однако, объявил, что в вещах рылись.

– Ну, разумеется, рылись, – пожал плечами Нестор Васильевич. – Рылись, но, видимо, не нашли ничего для себя ценного. Потому и решили принести обратно.

Помощника такое легкомыслие возмутило. Что значит – ничего ценного? У них в багаже много ценных вещей! Вещей-то много, согласился хозяин, но, чтобы реализовалась их ценность, их нужно продать. А на торговле краденым очень легко можно спалиться.

– Спалиться? – с некоторым удивлением переспросил Ганцалин.

---

¹⁴ Ридикюль – дамская сумочка. Очевидно, Ячменев иронизирует.

Да, спалиться, подтвердил Загорский, так говорят профессиональные воры и полицейские. Это означает попасть в кутузку по подозрению в краже.

– Значит, если бы у нас тут лежали не вещи, а деньги, старик бы их забрал? – полюбопытствовал китаец.

Действительный статский советник поморщился: умеет же Ганцалин задавать вопросы. Как ни ответь, выйдет либо прекраснодушие, либо клевета.

– Значит, не забрал бы? – не унимался помощник.

Может быть, и забрал, конечно. Правда, не сразу, а частями. И сильно мучился бы при этом угрызениями совести. Стоит иметь в виду, что люди иной раз ведут себя гораздо лучше, чем о них можно подумать. Человек, вообще говоря, обычно не властен ни в хорошем, ни в плохом и поступает, как бог на душу положит.

Ганцалин, выслушав монолог хозяина, заявил, что все беды происходят оттого, что людям не хватает постоянства. Если ты хороший человек, ты всегда должен вести себя хорошо. То же самое и к плохим относится. Загорский только головой покачал в ответ. Постоянен лишь благородный муж, остальные плывут по воле ветра.

– Однако хватит рассуждать об абстрактных материях, – прервал сам себя действительный статский советник, – нас ждет их благородие барон фон Шторн.

– Ждали обозу, а дождались навозу, – по своему обыкновению загадочно объявил Ганцалин.

Нестор Васильевич ничего не ответил на эту сомнительную сентенцию: он давно привык к пословицам и поговоркам своего помощника, по большей части бессмысленным, точнее сказать, настолько глубокомысленным, что искать в них какое-то содержание было делом почти безнадежным. Спустя мгновение его уже не было в комнате. Ганцалин, закрыв саквояжи, устремился за господином.

Дмитрий Сергеевич объяснил им, как добраться до места раскопа, на котором работал Шторн, и просил передавать привет барону.

– Вы хорошо с ним знакомы? – полюбопытствовал Загорский.

– Совсем почти никак, – отвечал Ячменев, как-то странно полыхнув серыми своими глазами. – Роман Эрнестович – человек весьма экстравагантный, хотя и умеет быть светским. Однако, если вы, с его точки зрения, попытаетесь перейти границу, он не преминет вам поставить это на вид. Ну, да вы все сами увидите, тут всего полчаса ходьбы.

С тем они и отправились на поиски фон Шторна. Солнце было утренним, нежарким, вдоль дороги тянулись поля, прогулка казалась приятной. Однако Ганцалин привычно бурчал, что идти далеко, и что, чем попусту топтать ноги, можно было бы просто истребовать барона к ним на разговор.

– Как ты себе это представляешь? – господин поглядел на него скептически. – Послать ему письмо на гербовой бумаге с полицейским предписанием явиться к нам на допрос?

Имей в виду, Романа Эрнестовича побаивается сам генерал-лейтенант Толмачев. А уж на нас с тобой барон просто чихать хотел. Не говоря уже о том, что неплохо бы повнимательнее осмотреть раскоп и попытаться понять, что именно барон тут ищет. По меньшей мере это может помочь нам установить мотивы преступления.

Ганцалин спросил, не думает ли Загорский, что барон имеет отношение к исчезновению эстонца и следователя Персефонова. На это Нестор Васильевич сухо отвечал в том смысле, что он предпочитает никого не подозревать, пока не получит для этого достаточных оснований.

– Поперек бабки в пекло не лезь, – понимающе кивнул Ганцалин.

Так, за приятными разговорами, добрались они до раскопа.

Располагался он посреди степи, прямо на вершине небольшого холма. Там, под нежарким еще утренним солнцем, вовсю шла работа: в сырых и темных земляных отвалах копошилось несколько человек с лопатками, кирками и археологическими кисточками. У подножия холма, постукивая себя стеком по сапогу, со скучающим видом стоял белокурый господин, одетый в легкий светлый хлопчатобумажный костюм и пробковый колониальный шлем, словно находился он не в центре России, а где-нибудь в Индии или в Китае.

– Будем говорить, что приехали расследовать дело? –

негромко спросил Ганцалин. – Или притворимся археологами-любителями?

– Посмотрим, – сквозь зубы отвечал Нестор Васильевич.

Однако выбора им не оставили. Едва только они приблизились к раскопу, господин в шлеме повернулся к ним, распростер руки и закричал мало не на всю степь:

– Нестор Васильевич, вы ли это?! Рад, рад, душевно рад вас видеть! А с вами, я вижу, и ваш верный Ганцалин. Если бы я мог выдавать государственные награды, я бы непременно выдал ему медаль «За преданность!»

– Он меня что, за собаку держит? – хмуро спросил китаец.

Нестор Васильевич ничего на это не ответил, но двинулся прямо к фон Шторну.

– Приветствую, господин барон, – сказал он несколько церемонно. – Мы что же, знакомы?

Барон в ответ ослепительно улыбнулся во все зубы. На вид ему было лет тридцать пять, и он представлял собой типичного немца, как его видит окружающий мир: длиннолицый, светловолосый, с идеально прямым носом, чуть поджатыми узкими губами и водянистыми светло-голубыми глазами. Сейчас водянистые эти глаза вперились в физиономию Загорского с нескрываемым благорасположением.

– Знакомы ли мы? Лично – нет, – отвечал барон, по-прежнему улыбаясь. – Но кто же не знает мастера сыска, дипломата и разведчика Загорского? Кто, я вас спрашиваю? Если есть тут такие, пусть немедленно покаются в столь вопию-

щем невежестве и отправляются в монастырь. Именно для них и им подобных писал герр Шекспир свои бессмертные строки: «О милая Офелия! О нимфа! Сомкни ты челюсти, тяжелые, как мрамор, и в монастырь ступай!» В монастырь, господа, в монастырь!

– Вот, кажется, нашелся тебе напарник в лингвистических упражнениях, – негромко сказал помощнику Загорский. – Тоже, видно, большой любитель цитат и поговорок...

Между тем фон Шторн подобрался к Нестору Васильевичу вплотную, схватил его руку в свои и энергично тряс, восклицая:

– Очень! Очень рад! Верьте слову, в жизни своей не имел более приятного знакомства. Счастлив был бы прижать вас к сердцу, но, боюсь, мы еще не настолько близки. А, впрочем, и что с того? Сейчас не близки, так станем близки в скором времени, не так ли? Я, во всяком случае, очень на это рассчитываю.

Действительный статский советник заметил, что, похоже, барон знал о его приезде заранее.

– Разумеется, знал, – вскричал тот, не отпуская руку Загорского, словно боялся, что столь ценный собеседник вдруг ускользнет и растворится в теплом степном воздухе. – Больше того скажу, ждали вас, ждали с нетерпением. Я, грешным делом, наябедничал на здешних жандармов. Вы, конечно, скажете: чего еще было ждать от кляузной немецкой душонки? Однако заявляю вам откровенно – все оттого, что

они своим розыском категорически не давали мне работать. После моей жалобы стало ясно, что воспоследуют серьезные меры. Я сразу понял, что по мою душу пришлют какую-нибудь важную персону, какое-нибудь тяжелое орудие, выражаясь фигурально, мортиру или даже пушку. И знаете, я как в воду смотрел – отрядили не кого-нибудь, а его превосходительство, действительного статского советника Загорского.

Тут Нестор Васильевич, принужденно улыбнувшись, изъясил свою ладонь из цепких рук барона. Тот, однако, продолжал говорить не останавливаясь. Из слов его выходило, что Загорского прислали совершенно верно, потому что только он может разобраться в этом запутанном деле. Конечно, он, барон, и сам мог бы провести розыск и следствие, но занят, ужасно занят раскопками, поверите ли, совершенно нет ни времени, ни сил. Так что лучше пусть его превосходительство устанавливает истину, а уж они все, как один, будут ему помогать.

– Самое главное забыл сказать, – внезапно посерьезнел барон. – Прошу сразу же исключить меня из числа подозреваемых. Все дело в том, что первым пропал мой издольщик. Бедный Саар! Сами понимаете, убить его я никак не мог. Потому что если бы я хотел его убить, то сделал бы это гораздо раньше. Да, и помилуйте, какая выгода была мне убивать моего собственного работника? Что же касается следователя, несчастного Персефонова, то к его исчезновению я касательства не имею, и его подавно не убивал. Но не убивал не

потому, что мне это невыгодно, как обычно в таких случаях говорят. Напротив, мне было это очень выгодно, он все время тут крутился и мешал работать. Однако это тот случай, когда соображениями выгоды вполне можно пожертвовать. Я, знаете, ли человек верующий, хоть и лютеранского исповедания. А шестая из заповедей Моисеевых, действительная и для иудеев, и для христиан, гласит: «Не убий!» Вы, скажете, может быть, что этого недостаточно, чтобы отвести от меня подозрения? А я вам на это снова скажу, что я не убивал и, более того, могу вам поклясться в этом, как на духу.

– Поклясться на духу? – удивился Загорский, который в первый раз в жизни слышал, чтобы на исповеди клялись. Впрочем, как уже заявил сам фон Шторн, он был лютеранин, а те, вероятно, способны на самые экстравагантные поступки.

– Именно поклясться, – не моргнув глазом подтвердил барон, – и притом всем, чем хотите. Я прошу прощения, чем у нас обычно клянутся? Пречистой Девой, Христом, может быть родной матерью? Всем этим готов я поклясться и даже памятью любимой бабушки – поскольку невиновен и чист, как стеклышко. Хотите верьте, хотите, нет – но не убивал.

– А кто, в таком случае, убил? – спросил Загорский внезапно.

Барон погрозил ему пальцем.

– О, я вижу, ваше превосходительство, вы уже начали свое расследование! Что ж, прошу.

Он широким жестом показал на людей, которые копошились в раскопе.

– Вот вам, пожалуйста, выбирайте любого из моих работников. Допросите их, сотрите в порошок, делайте с ними, что хотите, но найдите нам настоящего преступника. Кстати, вы владеете эстонским?

Загорский отвечал, что эстонским, к сожалению, он не владеет. Но разве люди барона не говорят по-русски?

– Практически нет, – отвечал барон, – да и с кем им разговаривать по-русски в нашей лифляндской глуши? С коровами? С рыбами? Это простые неграмотные крестьяне, они и между собой говорят редко, не то что вести разговоры на чужом языке.

– Так они еще и неграмотны, – сказал Нестор Васильевич, хмурясь. – Готов поспорить, что они и немецкого языка не знают.

– Как вы угадали? – восхитился фон Шторн и погрозил Загорскому пальцем. – Я вижу, ваша проницательность соответствует вашей славе, от вас ничего не укроется!

Однако действительный статский советник пропустил этот двусмысленный комплимент мимо ушей.

– Как же вы с ними объясняетесь? – проговорил он все так же хмуро.

Фон Шторн только плечами пожал: а зачем, собственно, ему с ними объясняться? Это его слуги, они привыкли без слов угадывать все его желания. Впрочем, сам он отлично

знает эстонский язык, таким образом, если его превосходитьству угодно, тот вполне может допросить их с дружеской помощью барона.

– Все ваши работники сейчас тут? – любопытствовал Загорский, поглядывая в сторону раскопа.

– Все, – кивнул фон Шторн, – все, кроме несчастного погибшего Саара. Их тут четверо, все из семьи Мяги.

Как оказалось, это почтенное семейство служит фон Шторнам уже несколько поколений, и все они ему чрезвычайно преданы. Мяги кристально честны, не увиливают от работы и вообще, случись чего, жизнь готовы за хозяина отдать.

– Какая удивительная преданность, – задумчиво заметил действительный статский советник. – Почти, как у крепостных. И это при том, что крепостное право отменено в России полвека назад.

Барон засмеялся: да, он что-то слышал об этом юридическом казусе. Однако же, как говорят в России, сердцу не прикажешь. Есть закон, который стоит выше законов государственных, это закон любви. И господин Загорский об этом прекрасно знает. Закон любви распространяется в том числе и на любовь к хозяину, и тут уже совершенно не обязательны крепостные отношения. Его Ганцзалин, например, предан Загорскому вовсе не потому, что он – хозяин, а тот – раб, а по душевной склонности. Так же точно преданы барону и его слуги.

Загорский хотел спросить еще что-то, но наверху, в раскопе, вдруг поднялась какая-то суматоха.

– Что там случилось? – Нестор Васильевич смотрел на вершину холма: работники бегали по раскопу туда и сюда.

– Не знаю, – озадаченно отвечал фон Шторн. – Вероятно, что-то нашли...

Легконогий Ганцзалин уже поднимался на холм, за ним последовали Загорский и барон. Спустя минуту все трое стояли на вершине, ровной и утоптанной, словно тут не останки древних цивилизация искали, а собирались прокладывать дорогу.

Впрочем, сам раскоп был небольшим и сравнительно неглубоким: судя по всему, копатели тут не спешили и работали тщательно. На дне и по бокам валялось некоторое количество глиняных черепков, чей возраст мог определить разве что археолог-профессионал, да и то после тщательного изучения.

Сейчас все работники – четверо мужчин – выстроились вдоль дальнего края раскопа. Трое из них походили друг на друга, как родные братья – круглолицые, светловолосые, розовощекие, все они имели некоторое сходство с молочными поросятами. Один же, стоявший чуть наособицу, являл собой весьма примечательное зрелище. Это был высокого роста могучий детина, с рыжими волосами и побитым оспой лицом. Но не волосы и не оспенные пятна обращали на него внимание, а суровое лицо с выражением затаенного зверства

на нем. Низкие надбровные дуги, выдающийся вперед подбородок, крупный нос, карие глаза, сверкающие из-под бровей недобрым огнем – все это только усиливало первое впечатление. Если собратья его стояли почти навтыжку, рыжий великан выставил ногу вперед и заложил руки за спину, как бы демонстрируя всем вокруг свою независимость.

– Что у вас тут случилось? – громко сказал барон по-эстонски и сам же перевел свой вопрос Загорскому.

Все четверо стояли не шевелясь. Фон Шторн нахмурился:

– Арво, что происходит?

Самый старший из белобрых как-то жалко улыбнулся, затоптался на месте и бросил косой затравленный взгляд на гиганта, от которого прямо исходила эманация злобы и ненависти.

– Он что-то прячет, – внезапно сказал Ганцалин, не сводивший глаз с рыжего. – Нашел и прячет за спиной.

– Гуннар? – барон тоже перевел взгляд на рыжего.

Тот как-то странно оскалился и неразборчиво рявкнул, потом попятился. Он пятился задом и не видя, что у него за спиной, очень скоро споткнулся и едва не полетел кубарем с вершины холма. Однако в последний миг его успел ухватить за рукав Ганцалин. Рыжий зарычал и правой рукой пихнул китайца в грудь, левую же по-прежнему держал за спиной.

Толчок оказался настолько сильным, что Ганцалин отлетел и скатился в раскоп. Однако спустя секунду с необыкновенной ловкостью он вскочил на ноги. Глаза его горели яро-

стью, в несколько прыжков он оказался на вершине раскопа рядом с Гуннаром.

– Ганцалин, стой! – крикнул Загорский.

Однако разъяренный китаец то ли не расслышал крика хозяина, то ли просто не обратил на него внимания. Рыжий Гуннар, видя, что враг стремительно движется на него, открыл рот и с размаху ударил китайца кулаком по уху. Однако тот ловко увернулся, перехватил бьющую руку и вывернул ее Гуннару за спину. Тот от неожиданности разжал пальцы левой руки и какой-то круглый безобразный предмет покатился вниз, на дно раскопа. Гуннар зарычал с и такой силой рванулся из рук китайца, что тот вынужден был отступить. Теперь руки у эстонца были свободны. Он в одно мгновение схватил своими лапищами Ганцалина за шею и сдавил так, что у того глаза полезли на лоб.

Ганцалин, не ожидавший столь скорой и прямой атаки, побагровел. Он инстинктивно вцепился в запястья противнику и попытался вывернуть их наружу. Приложенная им сила была такова, что руки эстонца захрустели. Но тот был в ярости и не чувствовал боли, а только все сильнее сдавливал горло китайца.

Ганцалин, хрипя, попытался нанести несколько ударов кулаками по корпусу врага. Однако, не видя, куда бьет, он не мог попасть в нужное место, а мощный торс эстонца легко выдерживал даже самые сильные удары, которыми осыпал его китаец.

Лицо Ганцзалина сделалось багровым, он теперь не хрипел даже, а производил какие-то рыбы всхлипы. Казалось, еще мгновение, и шея его сломается под чудовищным натиском врага. Однако эстонец вдруг ослабил хватку и спустя секунду мешком повалился на землю. За спиной его обнаружился действительный статский советник.

– Как тебе не совестно? – укоризненно сказал он помощнику. – Чего ради ты набросился на человека?

Китаец вместо ответа только ткнул пальцем в сторону раскопа. Туда же смотрел теперь и оцепеневший барон. Там, на самом дне, лежала окровавленная человеческая голова. Сквозь отекавшие изуродованные черты мертвого лица, казалось, все еще читается выражение отчаяния и муки.

– Боже мой, это же Саар! – оторопело воскликнул барон...

Спустя минут пять Загорский и фон Шторн уже стояли ярдах в пятидесяти от холма. Барон нет-нет, да и бросал в сторону раскопа болезненные взгляды, Загорский был безмятежен. На его взгляд, в утреннем происшествии имелся как минимум один положительный момент – они получили безусловное подтверждение того, что Саар не просто пропал, а был действительно убит. До этого все улики были косвенными.

Фон Шторн, однако, был подавлен. Всё гаерство и веселость слетели с него, как старая позолота.

– Не понимаю, – говорил он с отчаянием в голосе, – просто не понимаю, кому надо было убить Саара, отрезать ему

голову и подкинуть ее сюда. Кому и зачем?

Нестор Васильевич рассудительно отвечал, что вопросы следует задавать по порядку. И в данном случае первый вопрос должен звучать так – при каких обстоятельствах голова эстонца оказалась в раскопе? Барон удивился: его превосходительство сам все отлично видел. Голову нашел Гуннар, пока они с Загорским разговаривали.

– Нашел или пытался спрятать? – Нестор Васильевич смотрел прямо на барона.

Тот только руками развел: пытался спрятать? Но зачем? Даже если предположить, что Гуннар – убийца или сообщник убийцы, зачем прятать голову в раскопе, где ее непременно найдут?

– Может быть, именно по этой причине, – отвечал Загорский.

Фон Шторн замотал головой – нет-нет, это чистое безумие! Нестор Васильевич поднял брови. А разве не безумие убивать человека и потом отрезать ему голову самым варварским способом?

– Потом? – переспросил барон. – Почему вы думаете, что голову отрезали потом?

Загорский отвечал, что это видно любому, кто хоть сколько-нибудь сведущ в судебной медицине. Шея покойника искромсана диким образом, как будто бы голову отпиливали тупой пилой или ее отгрызал хищник.

– Хищник? – насторожился фон Шторн. – Какой еще хищ-

ник?

Действительный статский советник немедленно поправился, заметив, что о хищнике тут, разумеется, речи не идет. Ни один хищник не стал бы откусывать голову человеку только затем, чтобы потом принести ее в раскоп, это слишком странно даже для дикого зверя.

– Почему же? – удивился барон. – Я охотник, и знаю, что многие звери, поев, закапывают остатки добычи на будущее. Может быть, зверь решил закопать голову здесь именно про запас. Это вполне мог быть волк, шакал или степная лисица.

Нестор Васильевич с сомнением покачал головой.

– Труп явно какое-то время провел в воде, – заметил он. – Ближайший водоем – это здешнее лесное озеро. С трудом представляю себе волка или шакала, который вылавливает тело из воды, отгрызает ему голову, потом несет ее за несколько верст и прячет в раскопе.

– А водное животное? – спросил фон Шторн. – Какой-нибудь крокодил?

– Мне жаль вас огорчать, но крокодилы здесь не водятся. Их привычные места обитания расположены гораздо южнее.

Барон оглянулся по сторонам и внезапно понизил голос.

– А знаете ли, – сказал он, – тут ходят слухи об огромном ящере, который обитает в здешнем лесном озере уже очень много лет. Это вполне мог быть крокодил.

Загорский пожал плечами: откуда бы здесь взяться крокодилу? Барон отвечал, что крокодила вполне мог привезти

для развлечения какой-нибудь богатый здешний помещик. Потом тот сбежал из дома, добрался до озера и поселился там. Если это правда, крокодил запросто мог откусить голову несчастному Саару, а потом закопать ее про запас.

Действительный статский советник поморщился.

– Даже если принять за правду фантастическую версию существования в озере крокодила, то он бы прятал добычу прямо в воде, в придонном иле. Этот крокодил должен был совершенно сойти с ума, чтобы тащить голову в степь. На мой взгляд, это сделал, конечно, не зверь, а именно человек. Причем, судя по всему, человек этот – тяжелый психопат.

– Но зачем ему таскать туда и сюда отрезанную голову? – недоумевал фон Шторн.

– Возможно, он в силу своего разума пытается направить следствие по ложному пути. Возможно, с его точки зрения найденная в раскопе голова должна указать на вас, как убийцу.

Барон пожал плечами.

– Но вы же понимаете, что я тут не при чем!

– Я, может быть, и понимаю, – отвечал Загорский. – Вопрос – понимает ли убийца? Не говоря уже о том, что это весьма хитрый ход – подбросить голову самому себе, и явной нелогичностью этого поступка отвести от себя все подозрения.

– Иными словами, вы подозреваете меня? – спросил барон.

Нестор Васильевич отвечал, что он пока ничего не может исключать.

– Вот как? – сказал фон Шторн, хмуро глядя на Загорского. – А у меня есть совсем другая версия. Не знаю, кто именно убил несчастного Саара, но голову в мой раскоп подбросили вы. Причем случилось это не далее, как сегодня ночью.

Загорский поглядел на барона с интересом.

– Зачем бы мне это делать?

– Затем, что я сильно досаждаю вашему начальству, – отрезал фон Шторн. – И оно решило мне таким образом отомстить. Вы, конечно, не сможете доказать мою причастность к убийству, но нервы потрепать можете очень серьезно. И притом на совершенно законных основаниях. Вот так мне видится вся эта история.

Загорский неожиданно засмеялся: Бог с ними, с фантастическими версиями. Лично он просто пытался воспроизвести извращенную логику человека, который подбросил в раскоп оторванную голову несчастного эстонца. А сейчас не будет ли барон столь любезен и не расскажет ли о своих работах поподробнее? Начать, пожалуй, можно как раз с покойного Саара...

* * *

По словам фон Шторна, Магнус Саар был типичным представителем эстонского крестьянства – смирный, по-

слушный, кроткий человек. Помимо всего прочего, он обладал традиционными добродетелями, такими как набожность и преданность хозяину. Однако семья его была очень бедной, и, чтобы как-то вылезти из нужды, Саар завербовался матросом на эскадренный броненосец «Император Александр II». Парень он был крепкий, здоровый, дисциплинированный, да к тому же, в отличие от большинства соплеменников, грамотный, так что взяли его с удовольствием.

Отслужив во флоте несколько лет и сколотив необходимую, по его мнению, сумму, Магнус вернулся в родной хутор и стал заниматься сельским хозяйством – выращивал рожь, разводил рогатый скот и домашнюю птицу. Однако бедняге не везло – то урожай кто-то потравит, то мор нападет на животных. В конце концов он почти разорился и тут подвернулась оказия – отправиться с бароном в археологическую экспедицию.

– А откуда он узнал, что вы отправляетесь в экспедицию? – Загорский смотрел не на барона, а куда-то в сторону горизонта, как будто это солнце ему должно было дать ответ на все его вопросы.

Светило, однако, помалкивало и только жгло все сильнее и сильнее, по мере того, как поднималось все выше над горизонтом. Барон же отвечал, что Саар дружил с семейством Мяги, они, очевидно, ему обо всем и рассказали.

– А почему вы решили взять его на раскопки?

Фон Шторн пожал плечами: а почему бы не взять? Челю-

век он сильный, бывалый, верный. А барону как раз требовался еще один работник. Загорский покачал головой: пять работников на один небольшой раскоп – не много ли?

Барон считал, что не много. Он привык работать тщательно, а не просто махать лопатами. Пять человек в его случае – как раз то, что требуется. Загорский молча кивнул и спросил, какая военная специальность была у Саара на корабле? Барон пожал плечами: точно сказать трудно, кажется, тот был простым матросом.

Далее последовал обычный в таких случаях список вопросов: в каких отношениях состоял Саар с остальными работниками, не было ли у них ссор, обид, непонимания? По словам барона, ничего такого он не наблюдал. Саар имел характер покладистый, смирный, да и вообще эстонцы, имея натуру замкнутую и скрытную, до публичных конфликтов дела стараются не доводить и в узком кругу договариваются между собой тихо и незаметно для окружающих. Это тем более легко, что с семейством Мяги Саар был знаком давно и хорошо.

Загорский кивнул и сказал, что хотел бы теперь поговорить с Гуннаром, если господин барон готов переводить его вопросы и ответы эстонца. Барон выразил полную и безусловную готовность помочь. В конце концов, он ведь подданный Российской короны, и это его священный долг – помогать следствию и правосудию.

Спустя пару минут явился рыжий великан, которого на

некотором отдалении сопровождал Ганцалин. Заметив, что эстонец все время тревожно оглядывается на его помощника, Загорский попросил китайца отойти подальше, что тот и исполнил, хотя и с некоторой неохотой.

С минуту Загорский молча глядел на стоявшего перед ним Гуннара. Тот сначала отвечал ему бычьим взглядом, но потом забеспокоился, оспенная его физиономия побледнела, и он отвел глаза.

– Ты говоришь только на эстонском языке? – спросил Нестор Васильевич по-немецки.

Эстонец перевел угрюмый взгляд на барона. Тот чуть заметно улыбнулся и перевел вопрос. Ободренный великан снова посмотрел на Загорского и кивнул.

– Хорошо, – сказал Нестор Васильевич, переходя на русский. – Давай-ка я для начала представляюсь. Я – действительный статский советник Загорский. Я расследую дело об убийстве Саара и исчезновении полицейского. Ты должен отвечать на все мои вопросы прямо и без утайки. Это тебе понятно?

Великан снова кивнул, лицо его стало угрюмым.

– Это ты убил Саара?

Эстонец вздрогнул и отчаянно замотал головой.

– А кто его убил?

Гуннар отвечал, что не знает.

– Откуда взялась его голова в раскопе?

Гуннар не знал и этого. Загорский попросил его расска-

зять, как он нашел голову. Тот при посредстве барона отвечал, что утром, как обычно, все Мяги явились на раскоп и взялись за дело. Поскольку им уже стали попадаться исторические предметы, они почти не работают лопатами, в основном ножами, руками и метлами. Разбрасывая песок метлой, Гуннар увидел что-то странное и круглое, торчащее из-под земли. Обычно в таких случаях он звал хозяина, но в этот раз тот был занят разговором с его превосходительством. И тогда Гуннар решил осторожно выкопать странный предмет самому. Примерно определив его размеры, он взял штыковую лопату и выворотил предмет наружу. Это оказалась голова Саара. Увидев это, его братья испугались и забегали. Их беспокойство заметил хозяин и его собеседник. Дальше господин видел все сам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.